

Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования Ивановский химико-технологический университет

М. Г. Зеленцова

**Мир, человек, общество.
Актуальные проблемы философского знания**

**Часть 1
Единство и целостность мира**

Учебное пособие

Иваново 2007

Зеленцова М.Г. Мир, человек, общество. Актуальные проблемы философского знания. Ч. 1. Единство и целостность мира: учеб. пособие /ГОУВПО Иван. гос. хим.-технол. ун-т. Иваново, 2007. 68 с.
ISBN 5-9616-0203-6

Учебное пособие посвящено рассмотрению ряда актуальных философских проблем, которые являются дискуссионными в современном научно-философском знании. К ним относятся проблемы содержательного определения материи как субстанции и ее соотношения с духовным началом во Вселенной, философского понимания природы человека и статуса человека в системе природы, а также проблемы цивилизационного кризиса и перспектив общественного развития. Пособие состоит из трех частей: ч. 1. «Единство и целостность мира»; ч. 2. «Специфика бытия человека в мире»; ч. 3. «Человек, общество, природа. Философские аспекты взаимодействия».

Предназначено для аспирантов и студентов всех специальностей, изучающих курсы «История и философия науки», «Философские проблемы естествознания», «Философия» в вузе. Может быть использовано преподавателями гуманитарных дисциплин, читающих курсы «Философия культуры», «Социальная философия», «Социальная экология», «Философская антропология» и т.п.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ивановского государственного химико-технологического университета.

Рецензенты:

доктор философских наук Ерахтин А.В. (Ивановский государственный строительный университет);

доктор философских наук Брагин А.В. (Ивановский государственный энергетический университет).

ISBN 5-9616-0203-6

© ГОУВПО Ивановский
государственный химико-
технологический университет,
2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ЧАСТЬ 1. ЕДИНСТВО И ЦЕЛОСТНОСТЬ МИРА.....	6
Глава 1. Принцип единства мира в онтологии.....	6
1. Онтология – учение о бытии.....	9
2. Монизм и дуализм в онтологии. Категория субстанции.....	14
3. Онтология и другие философские науки.....	21
Глава 2. Взаимосвязь материи и ее атрибутов в онтологии.....	27
1. Онтологическое содержание понятия материи.....	28
2. Современные представления о материи. Материя как вещь.....	35
3. Атрибуты материи: пространство, энергия, «дух».....	43
4. Проблема единства материи и духа в истории философии.....	51
5. Сознание как атрибут материи.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	67

ВВЕДЕНИЕ

Современное человечество переживает самый сложный период своей истории – период кризиса индустриально-технической цивилизации, которая, как считают многие исследователи, исчерпала ресурсы своего развития. Свидетельством этому является возрастающее число глобальных проблем и их катастрофическое обострение. В ситуации кризиса потребность философского осмысления бытия ощущается особенно глубоко. Актуальным становится поиск и теоретико-методологическое обоснование новых мировоззренческих и ценностных установок, новых онтологических парадигм, что является необходимым условием перехода к иному, более оптимальному типу цивилизационного развития.

Возникает вопрос, какое философское направление может стать основой нового миропонимания? Сложность заключается в том, что отечественная философия, долгие годы принудительно бывшая «единственно верной» марксистско-ленинской философией, сегодня испытывает серьезные затруднения: все основные философские проблемы стали для нее остро дискуссионными. Эта ситуация достаточно ясно осознана отечественными философами, о чем свидетельствуют, например, материалы четырех Российских философских конгрессов, прошедших в период с 1997 по 2006 гг.

Диалектико-материалистическая философия подвергается критике и как методология и как теоретическое мировоззрение. Материализм объявляется примитивным, устаревшим и взамен ему предлагаются идеализм, дуализм и плюрализм. Но при этом критики материализма берут его в упрощенной или вообще неадекватной форме, в чем во многом повинна та модель материализма, которой он был представлен в марксистско-ленинской философии советского периода. Главным ее недостатком было чрезмерное противопоставление материи духу, сознанию, что нашло проявление в известных формулах о первичности материи и вторичности сознания, о независимости общественного бытия от общественного сознания и т.п. Это давало повод критикам материализма приписывать ему утверждение в качестве ба-

зисных только материальных интересов и отрицание значения идей, духовных ценностей.

Нельзя не признать, что ряд положений марксизма, приобретших в советскую эпоху догматизированный характер, плохо согласуется с новым миропониманием, складывающимся сегодня. Например, рассмотрение социальной формы движения материи в качестве высшей, «снимающей» низшие и не зависящей от них в своем развитии, трудно совместить с утвердившимся в современном сознании положением о том, что человечество вместе с созданной им общественной системой есть часть биосферы, вне которой оно не может существовать. Идея ноосферной философии об онтологическом статусе сознания в ноосфере и его ведущей роли в оптимизации социоприродных отношений совершенно не увязывается с тезисом о полной обусловленности общественного сознания общественным бытием и о его вторичности по отношению к общественному бытию.

Признавая критику марксистской советской философии в ряде моментов справедливой, необходимо отметить, что эта критика отличается скорее деструктивным, чем конструктивным характером и препятствует дальнейшему развитию философской теории. Материалистический монизм как философское мировоззрение не равен марксизму, он имеет многовековую историю. Материализм был и остается философской основой науки, рационального мышления, всего человеческого опыта и здравого смысла и не может быть просто отброшен за ненадобностью. Напротив, именно сегодня складываются благоприятные условия для его развития в новой, не идеологизированной, истинно философской форме. Материализм нуждается в совершенствовании, в преодолении присущих ему слабостей и развитии его сильных сторон. Чтобы быть адекватным современному научному миропониманию, он должен подняться на более высокую ступень, избавившись от неточностей и недоработок, стать аутентичным. В этом, а не в создании различных экстравагантных систем заключается действительная перспектива прогресса философских знаний.

ЧАСТЬ 1. ЕДИНСТВО И ЦЕЛОСТНОСТЬ МИРА

Как известно, среди главных философских вопросов И. Кант называл вопрос «Что есть человек?», но не ставил вопроса о том, что есть мир. Вероятно, это связано с тем, что мир для него – «вещь в себе». Однако невозможно ответить на первый из них, а также на вопросы «Что я могу знать?», «Что я должен делать?» и «На что я могу надеяться?», не зная того, что есть мир. Этот вопрос имеет исходное значение для мировоззрения и практической деятельности. Человек как существо, обладающее разумом и во всем ищущее смысл, не может жить в хаосе, в мире, распадающемся на части, лишенном единства. Познание мира, в том числе научное, также невозможно без обобщения, без сведения «многого к единому». Философия, давая теоретическое обоснование единству мира, «спасает» человека, помогает ему жить и действовать, поддерживает в нем стремление к знанию, к высшим человеческим ценностям – истине, добру и красоте.

—

Глава 1. Принцип единства мира в онтологии

Проблема единства мира является специфической для той части философии, которая называется онтологией. Исследуя всеобщие принципы бытия, онтология рассматривает ряд проблем, но очевидно, что центральной для нее является проблема единой основы всего многообразия явлений действительности, т.е. истинного бытия. В этом смысле онтология и выступает как наука о бытии. Решая проблему единства мира, онтология при этом, конечно, опирается на всю сумму человеческих знаний о мире, вырабатываемых в обыденной жизни и в научном познании.

Онтология – одна из самых древних философских наук, основополагающая часть метафизики. Она имеет длительную историю развития и занимает важное место во всех серьезных философских системах. Онтологическая проблематика четко осознавалась уже в древнегреческой философии: у ми-

летцев и Гераклита видно, как она вырастает из «физики», учения о природе. Вполне сформированной ее можно считать у Платона и Аристотеля, хотя само понятие онтологии как учения о сущем было введено в философию только в XV11 веке (Р. Гоклениус, Х. Вольф). В этот период онтология рассматривалась как фундаментальный раздел философии и стала важной частью философских систем Декарта, Спинозы и Лейбница, а позднее разрабатывалась Фихте, Шеллингом и Гегелем.

В середине XIX века в западноевропейской философии возникла тенденция к гносеологизации философских проблем, появилось негативное отношение к онтологизму предшествующей философии, но уже в начале XX века происходит возвращение к онтологической проблематике. Ряд направлений современной западной философии, таких как неотоцизм, научный материализм продолжают традиции классической субстанциальной онтологии. Другие направления – феноменология, экзистенциализм, персонализм – значительно меняют форму и содержание онтологии, делая центром своего внимания человеческое сознание и субъективность как особый вид бытия.

В отечественной философии советского периода онтология утратила свое основополагающее значение, что было связано с установкой на гносеологизм, идущей еще от основоположников марксизма. Ф. Энгельс, как известно, определил основной вопрос философии как вопрос об отношении между бытием и сознанием и выделил две его стороны: о первичности бытия и о познаваемости мира (1, с.283). Обе они отражают, прежде всего, гносеологический аспект этой проблемы. Позднее В.И. Лениным также была дана гносеологизированная формулировка основного вопроса философии: «Взять ли за первичное природу, материю, физическое, внешний мир, - писал он, - и считать вторичным сознание, дух, ощущение..., вот тот коренной вопрос, который на деле продолжает разделять философов на два большие лагеря» (2, с.356). В том же ключе было сформулировано определение материи как «объективной реальности, данной нам в ощущении» (2, с.131). Этот подход был развит в работах ряда известных советских философов, которые отрица-

ли онтологию в качестве относительно самостоятельного раздела или даже аспекта в структуре диалектического материализма (3).

Существовала и другая точка зрения, согласно которой гносеологизация философских проблем идет вразрез с существенной чертой марксистской философии – ее обращенностью к объективному миру, с ее научностью, а онтология является важной частью философии и нуждается в разработке (4). Однако представители этой точки зрения долгое время оставались в меньшинстве. Сегодня интерес отечественных философов к онтологии значительно вырос, появился ряд работ, посвященных этой проблематике, которая признается весьма актуальной в современной ситуации глобального цивилизационного кризиса.

Задача этой главы состоит в том, чтобы рассмотреть с позиций материалистического монизма некоторые наиболее важные проблемы онтологии, имеющие методологическое значение для понимания природы человека и его отношения к внешнему миру.

Примечания:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21.
2. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18.
3. См. работы Б.М. Кедрова, П.В. Копнина, Э.В. Ильенкова, Т.И. Ойзермана, Л.Ф. Ильичева и др.
4. См. работы В.П. Тугаринова, С.Т. Мелюхина, М.Н. Руткевича, В.Л. Акулова и др.

1. Онтология - учение о бытии

Онтология – одна из частей философии. По смыслу слов (ontos и logos) она есть наука о бытии. Например, в философском энциклопедическом словаре она определяется как учение о бытии как таковом; раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, наиболее общие категории, представляющие сущее. Указывается, что онтология – основополагающая часть философии. Отмечается, что онтология выделилась из учений о бытии тех или иных объектов как учение о самом бытии еще в ранней греческой философии (1, с.458).

Бытие – самое широкое и абстрактное понятие онтологии, которое задает широчайший спектр смыслов от предельного обобщения мира в целом до осмысления уникальности и неповторимости индивидуального существования человека. В истории философии бытие понималось по-разному: как сущее, т.е. совокупность вещей (милетцы), как мысль о сущем как таковом (Парменид), как реальность «умозримых видов» (Платон), как Бог (Августин, Фома Аквинский), как субстанция, являющаяся одновременно и Богом, и природой (Б. Спиноза), как Непостижимое (С. Франк), как не-сущее, более широкое, чем все сущее (М. Хайдеггер) и т.д.

Поскольку слово «бытие» имеет различные значения, то определение онтологии требует уточнения. Что понимается сегодня отечественными авторами под «бытием как таковым»? Как правило, они примыкают к одной из двух противоположных точек зрения, сложившихся в советской марксистской литературе. Одна из них состоит в том, что «бытие есть все то, что есть, это и вещи, и свойства, и отношения, и процессы» (2, с.242). Если так, то онтология должна изучать все, что существует, все многообразие бытия. Согласно другой позиции, «понятие бытия отвлекается от всех конкретных различий вещей, предметов и процессов, кроме одной их черты, а именно, их существования» (3, с.342). В этом случае о бытии мало что можно сказать. Еще Парменид указывал на невозможность для мысли о бытии не иметь соответствующего ей объекта. Позднее Гегель подчеркивал, что «чистое бытие», ли-

шенное всякой определенности, неотлично от небытия, ничто. Бытие, существование есть всегда бытие, существование чего-то, как мысль всегда есть мысль о чем-то.

В то же время в нашей философии категории бытия стали придавать преувеличенное значение. Так, например, в одной из вышеназванных работ говорится, что «...бытие есть интегральная характеристика мира, утверждающая целостность его через его существование». И здесь же отмечается, что понятие бытия как существования «...задает миру исходную целостность и делает его объектом философского размышления» (3, с.342-343). С этим тезисом в духе Е. Дюринга, справедливо подвергнутому критике Ф. Энгельсом, нельзя согласиться. Действительно, одним из важнейших вопросов онтологии является вопрос о единстве мира, но категория бытия не была неременным условием постановки этого вопроса, а тем более не задавала миру его исходную целостность, единство. (Понятие бытия играло существенную роль в учении Парменида, но, например, милетцы и Гераклит подошли к идее единства мира без помощи этого понятия).

Таким образом, судя по литературе, бытие означает и «все», и «ничего». Что же должна изучать онтология? Ни одна из этих крайних позиций не позволяет ответить на поставленный вопрос. Этимология слова «онтология» не приводит к его решению. Конечно, онтология изучает нечто в бытии, ибо никакого предмета изучения вне бытия не существует. Но, зная это, мы стоим перед тем же вопросом: что именно в бытии изучает онтология? Ответ на этот вопрос, очевидно, связан с пониманием специфики предмета философии.

Обычно указывают, что философия – учение о мире в целом, о всеобщем. Например, в цитированной выше работе П.В. Алексеева и А.В. Панина говорится, что «предметом философии является всеобщее в системе «мир - человек» (3, с.50). А.Г. Спиркин пишет, что философия дает систему знаний о мире как целом, беря знания о нем «в самом общем виде» (2, с.7). Согласно учебнику философии под редакцией В.И. Кириллова философия есть система

общих знаний о мире (4, с.13). Там же философия определяется как учение об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру; как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления; как теория, вырабатывающая обобщенную систему взглядов на мир и место в нем человека. С этим можно согласиться.

Очевидно, что как часть философии онтология должна изучать какую-то сторону или аспект ее предмета. Это относится и к другим частям философии, таким, как учение о всеобщих категориях («диалектика»), гносеология, аксиология, праксеология и логика (логику можно рассматривать как часть праксеологии в широком смысле). Все названные части философии (и только они) отвечают ее специфике как теории мира в его всеобщности, всеобщего в мире и всеобщих отношений человека к миру. Гносеология, аксиология и праксеология изучают всеобщие отношения человека к миру. Диалектика рассматривает взаимосвязь и взаимодействие философских категорий, отражающих всеобщее в бытии. Что касается изучения мира как целого, с точки зрения его всеобщих характеристик, то это является задачей именно онтологии. В этом отношении она составляет фундамент гносеологии и всех других частей философии, которые при решении своих проблем должны исходить из понимания природы мира. Ведь философия – не просто сумма, конгломерат частей, а единое, цельное учение, в котором все части органически связаны между собой.

Наиболее тесно онтология связана с гносеологией и диалектикой. Отличие онтологии от гносеологии состоит в том, что гносеология изучает познавательное отношение человека к миру, а онтология отвлекается от этого отношения. Если гносеология противопоставляет сознание миру как субъективное объективному, т.е. делит свой предмет на две части, то онтология берет свой предмет с точки зрения его бытия в целом как некоего всеединства. Значит, для онтологии характерно, что она, по крайней мере, первоначально, рассматривает мир как единое целое без всяких дальнейших различений. Эти

различия устанавливаются уже на следующих этапах, тогда как гносеология начинает сразу с одного из них.

В предмет философии входит отношение (совокупность отношений) человека к миру. Но, вместе с тем, человек – одна из частей мира, а, значит, прежде всего, нужно понять, что этот мир собой представляет как единое целое, в чем состоит единство всех его частей. С этой точки зрения онтология и рассматривает бытие мира, или просто мир. Главное здесь не в «бытии», а в единстве мира, в мире как едином целом. Всеединство и всеобщность – вот те категории, которые характеризуют предмет онтологии. Не все бытие, не все, что существует в мире, не части мира в их особенном бытии (природа, человек, общество), а лишь один аспект бытия – то, что обще и едино для всех его частей – является предметом онтологии. Чтобы выделить этот предмет в «чистом виде», онтология должна абстрагироваться от всего многообразия бытия, или, иначе говоря, от бытия, сущего в его конкретных, частных формах. Но это и не значит взять бытие «как таковое», ибо в этом случае оно есть ничто, пустой предикат существования, не имеющий никакого содержания, т.е., фактически, небытие. (Здесь необходимо отметить, что в задачи онтологии не входит рассмотрение диалектики категорий бытия и небытия, как и многих других категорий, изучаемых теорией диалектики, о чем будет сказано ниже).

Однако, познавая лишь один аспект бытия – общее и единое в нем, онтология в то же время охватывает «все» бытие в том смысле, что единое связано со многим, общее – с частным, абстрактное – с конкретным. Познавание частных форм бытия – задача частных наук, в предмет онтологии эти формы не входят. Но, опираясь на данные частных наук и вовлекая эти данные в сферу философского исследования, онтология тем самым косвенно познает все в мире, все в бытии, хотя это «все» приобретает в ней обобщенную форму, «снимается», ибо включается в нее в процессе переработки, обобщения, абстрагирования. Частное в онтологии само имеет всеобщее значение, выражаясь во всеобщих категориях многого, частного, конкретного. С уче-

том указанной диалектики верным остается определение онтологии как учения о всеедином и всеобщем в бытии, в мире, которое может быть дополнено другим определением: это учение о мире, бытии в целом. «Сложность» и «противоречивость» предлагаемого понимания онтологии объясняется тем, что сам процесс обобщения и абстрагирования имеет противоречивый характер: с одной стороны, это движение к конкретному, его освоение, с другой стороны, – от конкретного, его преодоление, снятие, сохранение лишь его общего смысла, общего значения для понимания мира в целом.

Примечания:

1. См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
2. Спиркин А.Г. Философия: Учебное пособие. М., 1999.
3. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебное пособие. М., 1997.
4. Философия: Учебное пособие: Ч. 2. Основные проблемы философии / Под ред. В.И. Кириллова и др. М., 1998.

Вопросы и задания:

1. Как определяется предмет философского знания?
2. В чем состоит главная задача онтологии как философской науки?
3. Каково содержание категории бытия в онтологии?
4. Приведите примеры взаимодействия философии и частных наук в процессе познания человеком мира.

2. Монизм и дуализм в онтологии. Категория субстанции

Онтология решает ряд проблем, касающихся понимания мира в целом. Это проблемы соотношения конечного и бесконечного, прерывного и непрерывного, движения и покоя, порядка и хаоса, целого и части, общего и единичного, явления и сущности и другие. Но главной ее проблемой является проблема самого единства мира и, прежде всего, единства между объективным и субъективным, которая обычно формулируется как вопрос о соотношении материи и сознания. Этот вопрос является наиболее трудным в познавательном отношении и уже потому основным вопросом философии вообще, онтологии в частности. Существенна здесь не только количественная (высшая степень трудности), но и качественная, принципиальная сторона дела: то или иное решение этого вопроса зависит от социальной, в частности, идеологической позиции философа. Поэтому по данному вопросу бывает трудно, а то и невозможно договориться, прийти к единому мнению. Другими аспектами единства мира, на которые обычно указывается, являются наличие всеобщей предметной основы мира – субстанции, а также существование в мире всеобщей связи и взаимозависимости, движения и развития, всеобщих объективных закономерностей.

Обоснование единства мира – объективно обусловленная задача философии, составляющая ее специфику. Большинство философов стоят на позициях монизма, т.е. признания этого единства. Но встречаются также мыслители, придерживающиеся дуалистических и плюралистических взглядов. Ввиду слабости таких позиций их сторонники не могут последовательно их придерживаться. Например, Декарт признавал существование двух субстанций – духовной и материальной, а также третьей сущности (бога), объединяющей первые две. Но главное расхождение между философами было не по вопросу о наличии или отсутствии единства, а по вопросу о том, что лежит в его основе – материя или дух. Постольку онтология выступает как учение об основе бытия, иначе говоря, о субстанции. Ф. Энгельс сформулировал его как вопрос о том, что является первичным – дух или природа? «Философы, -

писал он, - разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как они отвечали на этот вопрос. Те, кто утверждали, что дух существовал прежде природы... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» (1, с.283).

Можно представить этот же вопрос несколько иначе, так, как он формулировался традиционно в истории философии: что есть основа (субстанция) – материя или дух (а что атрибут)? Именно эта формулировка является исторически первой и отражает онтологический аспект основного вопроса философии. Наиболее характерна она для классической онтологии, например, для учений Декарта и Спинозы. Правомерность этой формулировки признается и современными отечественными философами. «Онтология ставит проблему соотношения материи и мышления в аспекте отношения субстанции и ее атрибута, - пишет, например, А.В. Ерахтин, – поскольку отражение, формой которого является мышление, есть одно из всеобщих свойств материи, ее атрибут» (2, с.25). «Предмет онтологии, - отмечает А.И. Павлов, - это сущее как таковое, как субстанция сущего и обеих форм его существования (бытия и сознания)» (3, с.15). Выражение «основное начало», использованное Энгельсом по отношению к природе, миру в целом, не противоречит такому пониманию.

В онтологии речь идет не о первичности материи во временном аспекте, а о логическом отношении: материя – субстанция, сознание – «атрибут». (Здесь необходимо оговориться, что «атрибут» понимается нами не в точном смысле – как «свойство», а в более широком значении – как «принадлежность» субстанции. Материи же могут принадлежать не только свойства. Поэтому в дальнейшем мы будем ставить этот термин в кавычки). Что касается формулировки основного вопроса во временном аспекте (что первично, что вторично?), то это уже преобразованная форма, связанная изначально с идеалистическим вариантом ответа: дух существует прежде природы. Впоследствии временной подход был развит в философии марксизма, который рассматривал сознание как продукт материи на известном этапе ее развития.

(При этом имелось в виду только человеческое сознание, а не свойство отражения, присущее материи как таковой). Однако у Энгельса можно встретить и другие высказывания, в которых соотношение материи и сознания характеризуется в логическом аспекте – как соотношение субстанции и «атрибута».

Формула «первично-вторично», если ее трактовать во временном аспекте, не вполне адекватно, на наш взгляд, выражает соотношение материи и сознания в материалистической онтологии. Ведь субстанция не производит свои «атрибуты», они ей присущи изначально, и без них она лишается всякого смысла и содержания. Кроме того, логически правильно соотносить с материей как субстанцией не человеческое сознание (оно связано лишь с таким материальным образованием, как человеческий мозг), а некоторое вечное свойство материи, которое можно назвать чувствительностью, или духом, духовностью (в особом, широком смысле этого слова), высшей формой развития которого, насколько нам известно, является сознание. Можно использовать и понятие отражения, только понимаемого не механически, а как действительно в чем-то тождественного ощущению, т.е. имеющего духовную природу.

Тогда окажется, что временное отношение отпадает, так как духовный, субъективный элемент всегда присущ материи. Именно так решал вопрос Б. Спиноза, считавший «мышление», наряду с протяженностью, постоянным «атрибутом» субстанции. Материя и дух всегда рассматривались материализмом как находящиеся в единстве, не существующие независимо друг от друга. Дух есть аспект, элемент, принадлежность всякой материи. Нет материи, лишенной этого компонента, поэтому она не может быть по отношению к нему «первичной» так же, как по отношению к пространству, времени, движению и т.п. Это означало бы, что какое-то время она существует без своего «атрибута».

Что касается сознания как принадлежности высокоразвитой формы материи, то и здесь оно не вторично по отношению к своему субстрату, ибо нельзя считать, что сначала возникает мозг, а потом сознание как его функция.

Функция не является вторичной по отношению к органу. Не может быть живых легких, которые не дышат, сердца, которое не бьется, мозга, который не осуществляет психической деятельности. Именно ее надо соотносить с мозгом, но при этом ее нельзя рассматривать как вторичную по отношению к нему, это было бы бессмыслицей. Их отношения – это отношения «носителя» и функции, субстанции и «атрибута». Если же взять временное отношение, то можно будет сказать, что материя сознающая «вторична» по сравнению с предшествующей ей ступенью развития материи, и только в этом смысле сознание «вторично» по отношению к этой ступени.

Отношение «первичное-вторичное» вполне пригодно в гносеологии, ибо в точном смысле слова сознание вторично как отражение объективной реальности. В формуле «бытие первично, сознание вторично, производно», имеющей гносеологическое значение, понятия бытия и сознания фигурируют как противоположности. В онтологии, в отличие от гносеологии, бытие – не объективная реальность, оно не противопоставляется сознанию, а сознание – не отражение бытия, но его принадлежность, составляющая; оно само входит в бытие, находится внутри него. Поэтому здесь отношение «первичное-вторичное» уже не применимо. Это имел в виду В.И. Ленин, когда писал, что «... противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна» (4, с.151). Однако сфера отношений материи и сознания, находящаяся «за этими пределами», практически не была им рассмотрена. В этой сфере вообще уже вряд ли правильно говорить о «противоположении» материи и сознания (можно говорить об их различии как субстанции и «атрибута»), ибо здесь суть дела состоит в их единстве, в принадлежности сознания материи. «Дуализм» ленинской формулы, вполне уместный в гносеологии, не должен переноситься в онтологию даже в смягченном виде. Термин «абсолютное» тоже нельзя абсолютизировать, о чем сам Ленин

писал в «Философских тетрадах». Противоположность материи и сознания в гносеологии в определенном смысле относительна, поскольку допустима только в гносеологическом отношении. В онтологии же, как мы уже отмечали, акцент делается на их единстве. Таким образом, наиболее адекватной формулировкой онтологической стороны основного вопроса философии будет следующая: что является субстанцией – материя или дух? Поэтому можно определить онтологию как учение о субстанции, понятие которой означает всеединое и всеобщее в бытии.

Слово «субстанция» обычно переводится как сущность, основа, и онтология в таком случае определяется как учение о сущности, или сущностях, мира. На наш взгляд, сущность – понятие слишком неопределенное в данном контексте. Строгое значение оно имеет в отношении к понятию явления. Выражение «сущность мира» наводит на мысль о какой-то абсолютной и единственной сущности, объясняющей все явления. Но философская онтология не может ставить перед собой такую задачу. Сущность мира познается всей совокупностью наук, да и они не могут дать нам знание о какой-то последней абсолютной сущности, объясняющей все и вся. Субстанция – ступень в познании сущности явлений, специфика которой выражается в понятии основы.

По отношению к чему служит основой субстанция? Во-первых, по отношению к миру явлений, к внешности бытия. За явлением, как известно, находится вещь. С понятием вещи связаны понятия свойства и отношения. В нашей литературе высказывалось мнение, что названные понятия выражают «равноправные» моменты бытия, что ни одному из них нельзя отдать предпочтения. Но с этим нельзя согласиться. На наш взгляд, свойства принадлежат вещи, вещь – носитель свойств. Вещи (и свойства) находятся в отношениях. Именно вещь является фундаментальной единицей бытия, основой явлений, свойств и отношений. Следовательно, субстанция – это вещь. Но не любая единичная вещь, а вещь в философском смысле, вещь всеобщая. (Более подробно об этом будет сказано в следующей главе).

Философское познание отличается тем, что оно отвлекается от частных, восходит к последним абстракциям, к высшим обобщениям. Философия исследует не те или иные конкретные явления, а, опираясь на их познание в обыденном опыте и в науке, рассматривает такие объекты как явление вообще, вещь вообще и т.д. Вещь вообще характеризуется свойствами, которые общи всем вещам, образующим мир. Она есть вещь как таковая, всеобщая вещь, являющаяся основой всеобщих свойств и отношений. В этом и состоит смысл понятия субстанции. Приходя к понятию субстанции, философия (онтология) познает основу явлений, т.е. один из моментов сущности, но не всю сущность, не сущность как таковую. Поэтому утверждение, что онтология – это учение о сущности мира, представляется не вполне точным.

Онтология стремится не только составить обобщенное понятие о мире, но и осознать его как единое целое. Опираясь опять-таки на конкретное познание мира явлений, она приходит к признанию того, что в мире все взаимосвязано, что он представляет собой систему и, значит, не только всеобщую, но и единую вещь, вещь, имеющую определенную природу. Но прежде, чем сделать, или не сделать этот вывод, философия наталкивается на свой труднейший вопрос: едины ли материя и дух, и если едины, что из них является основой? Это второй смысл, в котором субстанция выступает в качестве основы. И это еще один – важнейший – момент в познании философией сущности мира явлений.

Философия всегда стремилась познать мир как единый, найти одну субстанцию, лежащую за многообразием явлений. С точки зрения монистической онтологии существует один и только один мир, одна субстанция. Вряд ли является удачной следующая формулировка: «По способу существования бытие разделяется на два мира, два способа существования, или две реальности: мир физических состояний, или материальный природный мир, и мир психических состояний, мир сознания, внутренний мир человека» (5, с.343). Авторы цитируемой работы причисляют себя к материалистам (5, с.346). Но, с точки зрения материализма, есть только одна субстанция – мате-

рия, один мир – материальный. Психический же мир – это лишь элемент, составляющая, «атрибут» материального мира. Правильнее сказать, что мир явлений *представляется* разделенным на два кардинально различных мира – физический и духовный, но на самом деле существует лишь один мир. Это и выражает понятие субстанции как единой основы всех явлений, будь они физическими или психическими. С нашей точки зрения, главной задачей онтологии является обоснование положения о всеединстве явлений, о бытии как одном едином мире, одной субстанции, материальной по своей природе.

Примечания:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21.
2. Ерахтин А.В. Проблема онтологии сознания в марксистской и современной западной философии // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Межвуз. сб. научн. трудов. Иваново, 1994.
3. Павлов А.И. Введение в онтологию. О содержательной аксиоматизации материалистической диалектики. М., 1998.
4. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18.
5. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебное пособие. М., 1997.

Вопросы и задания:

1. Каковы аспекты принципа единства мира в онтологии?
2. Как формулируется основной вопрос философии в онтологии?
3. Чем отличается эта формулировка от гносеологической формулировки?
4. Что выражает понятие субстанции в онтологии?

3. Онтология и другие философские науки

Каковы взаимоотношения онтологии с другими частями философии? Какая философская наука является базисной? Наиболее острая дискуссия идет по вопросу о соотношении онтологии и гносеологии. Л.А. Микешина придерживается мнения, что систематический курс философии (учебный) должен начинаться с теории познания (1, с.5). П.В. Алексеев и А.В. Панин считают, что исходным должно быть определение материи как объективной реальности (2, с.349). С их точки зрения, это определение максимально философично: оно характеризует материю, прежде всего, через основной вопрос мировоззрения, а не через понятие вещества или набор его свойств (2, с.350). Свой учебник авторы строят таким образом, что теория познания в нем предшествует онтологии. В то же время они пишут, что исходной категорией в философском осмыслении мира является категория бытия (2, с.342). Не значит ли это, что такое осмысление начинается с онтологии?

На наш взгляд, основой всей философии служит онтология. Чтобы понять, как человеческое сознание относится к миру, надо уже иметь какие-то знания о том, что такое мир и что такое человек с его сознанием. Поэтому ясно, что гносеология как бы вырастает из онтологии (и логически, и исторически), образуется внутри нее и лишь затем выделяется в особую философскую теорию. Например, у милетцев, Гераклита, Парменида и других ранних греческих философов преобладающее место занимают онтологические проблемы, и только у Сократа и Платона вопросы теории познания выдвигаются на первый план. В Новое время возникает направление, отдающее предпочтение теории познания. К нему относятся учения Юма, Канта, неокантианство и т.п. Усиление позиций гносеологии, однако, не может изменить того факта, что в логически последовательно построенной системе философии изложение должно начинаться с онтологии. Во всяком случае, без онтологического обоснования – явного или неявного – никакое философское мышление невозможно. Доказательством этому служат философские системы «чистых» гносеологов. Например, у Канта учение о вещи-в-себе является

определенной концепцией онтологии. Неокантианцы, сводя бытие к логическим функциям, все же говорят о бытии. Даже у Беркли с его лозунгом «быть – значит быть воспринимаемым» есть попытка разрешения вопроса о бытии. Чтобы понять, что собой представляет сознание, надо иметь представление о мире, частью которого оно является, о субстанции, которой оно принадлежит. Прежде чем узнать, как совершается познание, надо узнать, что познается. По этой же причине онтологическое определение материи, на наш взгляд, полнее, богаче гносеологического и уж, конечно, не менее философично: онтология тоже отвечает на вопрос о соотношении материи и сознания, т.е. основной вопрос философии.

Безусловно, надо признать, как уже отмечалось выше, что онтология и гносеология взаимосвязаны, и в определенном смысле гносеология является основой онтологии, а именно: процесс формирования философских представлений о мире несет на себе отпечаток исторически определенных форм знания и форм практической деятельности человека. Но, сформировавшись, философская картина мира существует независимо от познавательных процедур, а онтология как учение о мире становится основой развития теории познания, гносеологии. «Как онтология вообще есть основание гносеологии, в которой последняя находит свое обоснование, - пишет В.Л. Акулов, - так и гносеологическое содержание проблемы материи может быть раскрыто только на основе субстанциального, т. е. онтологического, его понимания. В этом и состоит суть требования Ленина углубить понятие материи до понятия субстанции» (3, с.220).

Наряду с В.Л. Акуловым, многие отечественные авторы высказывают мысль о том, что онтология является фундаментальной философской наукой, имеющей самостоятельное значение. Так, А.В. Ерахтин, подвергая критике точку зрения сторонников гносеологической концепции философии, согласно которой онтология, гносеология и логика полностью совпадают, отмечает, что важно видеть как их внутреннюю связь, так и относительную самостоятельность в рамках единого целого. При этом автор считает, что если гносео-

логия является теоретическим фундаментом логики, то онтология, в свою очередь, выступает в качестве теоретического фундамента, на котором строит свою систему гносеология (4).

Другой спорный вопрос касается соотношения онтологии и материалистической диалектики. Можно ли их отождествлять, как это иногда делается? Диалектика – это учение о всеобщих формах бытия и движения различных сфер мира, которые являются и всеобщими формами мышления. Все, что существует, независимо от конкретного содержания, включает в себе такие моменты, как количество, качество, мера, возможность, действительность, тождество и различие, единичное и общее и т.д., моменты, находящиеся в отношениях столь же всеобщих и абстрактных, как и они сами. Если онтология стремится понять мир в целом как единое сущее, то диалектика изучает такие формы и отношения, которые, в своей основе, суть одни и те же в любых предметных областях, будь то мир в целом или какая-то единичная вещь.

Онтология рассматривает свойства мира в определенном, своем аспекте – как формы бытия, характеристики субстанции, с целью обоснования того или иного решения основного вопроса философии в его онтологическом аспекте. Здесь на первом плане находится связь между свойствами и субстанцией. В диалектике же на первый план выходят связи между самими свойствами, задача построения системы категорий, выражающих эти свойства. В диалектике проблема субстанции и ее атрибутов теряет свое особое, центральное значение, а соответствующие категории становятся в общий ряд с другими категориями. Следовательно, у онтологии и диалектики разные задачи, они подходят к познанию мира с разных сторон и составляют два различных учения. Поэтому включение диалектики в онтологию или их отождествление являются необоснованными, и от них следует отказаться.

Диалектика относительно независима от онтологии, от того или иного решения основного вопроса философии. Но, вместе с тем, между ними есть связь, единство, поскольку они отражают один и тот же реальный мир, базируются на данных научного познания. Давая общую теорию мира, онтология

выступает в качестве основания для интерпретации диалектики и построения ее системы. В то же время, диалектика, которая в советской философии рассматривалась, как правило, только в аспекте логики и теории познания, имеет и онтологический аспект в том смысле, что ее категории обладают онтологическим содержанием. В качестве совокупности всеобщих форм мышления диалектика может применяться как к различным областям философского знания – онтологии, гносеологии, аксиологии и т.д., так и к разным наукам – физике, химии, биологии, психологии и к любым другим. Она служит методом всякого познания. Когда мы при рассмотрении проблем онтологии обращаемся к диалектике явления и сущности, конечного и бесконечного, прерывного и непрерывного и т.д., то предметом нашего интереса служит не диалектика как таковая, а диалектика онтологии. Исследовать мы хотим именно ее проблемы, диалектику же используем в качестве метода.

Примерно то же самое можно сказать о соотношении онтологии и логики. Формы и законы мышления, изучаемые логикой, коренятся в бытии, поэтому онтология, исследующая природу бытия, служит основанием для науки логики. Хотя логика относительно независима от онтологии и исторически разрабатывалась на базе различных онтологических парадигм, как материалистических, так и идеалистических, все же подлинно адекватной ее основой (как и основой диалектики) служит философский материализм. В свою очередь, логика играет роль методологии при разработке проблем онтологии, гносеологии и всех других философских и нефилософских наук.

Тесно связана с онтологией теория ценностей, одним из главных вопросов которой является вопрос о способе бытия ценностей: материальном или духовном, объективном или субъективном. Существует ли особое, внеприродное «царство» ценностей или они присущи самому миру природы? Рациональный ответ на этот вопрос базируется на материалистической онтологии (а также и гносеологии, которая, в свою очередь, имеет онтологическое основание).

Праксеология, т.е. совокупность норм практической деятельности (в известном смысле включающая в себя и логику как науку о практике мышления) очевидным образом вытекает из положений онтологии, причем рациональной она может быть опять-таки на материалистической основе. Показательно, что некоторые философы, стоящие на субъективно-идеалистических позициях, оговаривались, что на практике они являются материалистами. Действительно, нормы практики не могут не согласовываться с независимой от субъекта реальностью, с присущими ей свойствами и законами. (К сожалению, праксеология не разрабатывается у нас как особая отрасль философского знания. Но не вызывает сомнения, что методологическая функция философии должна осуществляться не только в теории, а и в практической деятельности, которая не может не иметь своих всеобщих принципов).

Глубокая взаимосвязь имеется между онтологией и прикладными философскими науками, прежде всего, философской антропологией (поскольку человек всегда рассматривался философией как часть мира, микрокосм) и философией цивилизации, или ноосферной философией (поскольку ее предмет – отношение человека к природе – имеет очевидное сходство с предметом онтологии). То же можно сказать о соотношении философии и частных наук, как естественных, так и общественных. Из их данных черпает онтология свой эмпирический материал, в единстве с ними вырабатывает свое понимание бытия – и природного, и общественного, а на этой основе и бытия вообще, понимание которого дает ориентацию научному познанию, в какой бы области оно не совершалось. Именно онтология – та часть философии, которая вырабатывает мировоззрение и благодаря которой, в основном и главным, философия осуществляет свою мировоззренческую функцию.

Примечания:

1. Микешина Л.А. Образ философии в современных российских учебниках // Современное философское образование: содержание, структура и методы преподавания философских дисциплин. Материалы конф. Иваново, 2000.

2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебное пособие. М., 1997.
3. Акулов В.Л. Диалектический материализм как система. Минск, 1986.
4. См.: Ерахтин А.В. Проблема онтологии в философии диалектического материализма // Философский альманах. Иваново, 1999.

Вопросы и задания:

1. Какие науки, кроме онтологии, входят в состав фундаментального философского знания?
2. В чем состоит отличие онтологии от других философских наук?
3. Приведите примеры дискуссий, касающихся соотношения различных наук в составе философии.

Глава 2. Взаимосвязь материи и ее атрибутов в онтологии

Как уже было отмечено, основным понятием онтологии, служащим для обозначения всеобщей и единой основы бытия, является понятие субстанции. В онтологической парадигме материализма субстанция – это материя. Категории материи и субстанции долгое время развивались в истории философии как относительно независимые друг от друга. Материя в домарксистской философии рассматривалась как вещество, а субстанция – как вечное, неизменное, неопределенное начало всего существующего. Антидиалектичность понимания субстанции как абсолютной и неизменной основы вещей, а также ее отрыв от эмпирических знаний привели к критике и отказу от ее использования, что сопровождалось процессом гносеологизации философии в целом. В истории философии можно обнаружить и попытки соединить понятия материи и субстанции, например, у Дж. Бруно, французских материалистов XVIII века, у Ф. Энгельса. В советской марксистской философии категория материи развивалась в основном в гносеологическом аспекте. Вопрос о том, можно ли рассматривать ее в онтологическом аспекте, как субстанцию, долгое время оставался дискуссионным. В современной отечественной литературе этот вопрос решается положительно, но проблема онтологического содержания этой категории, а также проблема взаимосвязи материи и ее атрибутов остается до сих пор актуальной.

1. Онтологическое содержание понятия материи

Что собой представляют материя в материалистической онтологии? Просто указать, что в онтологическом аспекте материя есть субстанция, носитель всех свойств, явно недостаточно. Это становится тем более очевидным, если вспомнить общеизвестный факт, что философия возникла не как область специальных философских исследований, а в неразрывной связи с зачатками научных знаний, в первую очередь, математических и естественных. Онтология исторически выросла из натурфилософии («физики»), онтологическое понятие материи сформировалось на основе физической картины

мира и до сих пор остается с ней тесно связанным. Философские открытия раннего периода основывались не на чистом умозрении, как это иногда представляют, а на обобщении данных опыта, на астрономических, географических и физических наблюдениях. Следовательно, все научные знания (в снятом виде) должны входить в онтологическое определение категории материи. Именно они составляют основное содержание этого понятия, хотя и не исчерпывают его. «Представление о материи как субстанции..., - пишет, например, М.Н. Руткевич, - это один из тех пунктов, где философия тесно соприкасается с естествознанием и где уровень философского обобщения прямо зависит от глубины проникновения естественных наук в сущность процессов природы» (1, с.69). Чтобы раскрыть онтологическое содержание понятия материи, необходимо обратиться к истории науки и философии в их единстве.

В своем историческом развитии понятие материи прошло несколько этапов. Разные авторы выделяют различное их количество, однако, все исследователи рассматривают в качестве первой ступени этап наглядно-чувственного ее представления. Этимология термина «материя» восходит к латинскому слову *materia* – вещество, а в переводе с греческого «материя» означает «строительный лес». Такое понимание связано с тем, что первые греческие философы были исследователями природы, т.е. натурфилософами, или «физиками». Центр их интересов – поиск первоначала мира, из которого произошло все сущее. В ранних философских учениях Фалеса, Анаксимена, Гераклита в основу мира полагались те или иные природные стихии: вода, воздух, огонь и т.п., т.е. качественно определенные, эмпирически воспринимаемые элементы. Все существующее считалось модификацией этих стихий.

Наивный материализм первых греческих философов был связан именно с тем, что свои обобщения они делали на основе наблюдений. Так, например, Фалес, называя абсолютным физическим первоначалом воду, приходит к этому предположению, «видя, что пища всех существ – влажная и что само тепло из влажности получается и ею живет (а то, из чего все возникает, это и

есть начало всего)» (2, с.23). Интересно, что понятие духа (души, «психеи») в древнегреческой философии тоже формируется на основе первоначальных научных знаний, обобщения опыта и наблюдений. Фалес, делая философское заключение о всеобщей одушевленности природы, видел пример и доказательство этому в свойствах магнита и янтаря: так как магнит и янтарь способны приводить тела в движение, следовательно, они имеют душу. Здесь в зародыше – вся материалистическая концепция соотношения духа и материи, по крайней мере, ее основная идея: духовное есть лишь аспект, принадлежность материи, а не самостоятельное, независимо от нее существующее начало.

Представления милетцев и Гераклита о вещественном первоначале являются исходным пунктом зарождения философского понятия материи. Самого понятия как такового еще нет, но уже есть его необходимые элементы, прежде всего, представление об определенном *единичном* веществе как основе многообразия явлений. Далее понятие материи поднимается на уровень *особенного* – атомов Левкиппа-Демокрита. (В литературе этот этап обычно называют этапом вещественно-субстратного представления о материи). Здесь уже возникает представление об абстрактном, неопределенном, но еще не всеобщем веществе, поскольку атомы не тождественны вещам, а являются их элементами. Атомы Демокрита тоже мыслились как вещество, как мельчайшие тела представимой формы (круглые или угловатые), как «кирпичики», строительный материал всего существующего, качественное разнообразие которого зависит от разных типов взаимодействия между ними. Но это уже лишь мыслимые, а не данные в непосредственном чувственном опыте обычные вещества – вода, земля и т.д. Это более высокий уровень абстракции, переход от знания, обремененного чувственными образами, к знанию интеллектуальному, оперирующему понятиями. (Важную роль в этом процессе сыграли идеалистические учения пифагорейцев и элеатов). Так зародилась просуществовавшая вплоть до конца XIX века дискретная картина

мира, характерной особенностью которой было понимание материи как неизменного субстрата вещей.

Теория атомизма Левкиппа и Демокрита, как и учения милетцев, возникла на основании наблюдений и некоторых аналогий. Предметом этих наблюдений были такие общеизвестные факты, как способность некоторых твердых тел сжиматься. Если тела могут сокращаться в своем объеме, значит, они состоят из частиц, между которыми имеется пустое пространство, иначе как могли бы они уменьшиться в объеме? В соответствии с этим, Демокрит (по сообщению Теофраста) пояснял, что большая или меньшая степень твердости и мягкости соответствует большей или меньшей степени плотности и разреженности (3, с.20). Наряду с этими соображениями в основе атомистической гипотезы, по-видимому, лежали и некоторые аналогии, в особенности при объяснении движения атомов. Одна из таких аналогий описана Лукрецием в поэме «О природе вещей»: это беспорядочное движение пылинок в воздухе, заметное в луче солнечного света.

Учение об атомах Левкиппа-Демокрита непосредственно было не философским, а частно-научным, физическим. Но оно имело глубокий философский смысл, который его творцами не был отчетливо выявлен, и, тем не менее, ясно в нем просматривается. Дело в том, что создатели атомизма приписали атомам такие свойства, которые придают им всеобщий статус, а учению о них – философский смысл. Это, прежде всего, способность атомов к самодвижению и к образованию всех имеющихся в мире тел; вечность мира атомов во времени и бесконечность их числа в бесконечном пространстве; признание причинности и закономерности, господствующих в мире; наконец, объяснение социальной жизни, духовных явлений и даже религиозных представлений на основе теории атомизма. При таком понимании представление об атомах как бы замещает понятие материи и потому имеет философский аспект и философское значение. Обладая наибольшей убедительностью по сравнению с другими учениями о природе, атомизм в течение многих веков

служил основой как естественнонаучного, так и философско-материалистического мировоззрения.

Качественный переход от вещественного представления материи к понятию можно видеть у Аристотеля, который вводит термин «первоматерия» в процессе анализа взаимодействия формы и материи (формы и содержания). В «первоматерии» исчезает всякая наглядность, всякая чувственная представимость: она есть нечто неопределенное. Так появляется понятие всеобщего начала, другими словами, представление о материи переходит на уровень *всеобщего*. Однако в этом есть и своя негативная сторона, ибо онтологическое понятие материи, на наш взгляд, должно удерживать в себе момент конкретной представимости, хотя и в качестве подчиненного, находящегося в состоянии постоянного отрицания (и, в то же время, постоянного сохранения). Возможно, одной из причин высокой эвристичности и долголетия атомистической картины мира была именно ее связь с конкретикой.

Важным этапом в развитии научного и философского представлений о материи была эпоха Ренессанса. В этот период на основе нового естествознания, ориентирующегося на эксперимент и математические методы, возрождается философия природы, свободная от теологии и схоластики. Гелиоцентрическая теория, учение о круговых движениях небесных тел, учение о многообразии миров во Вселенной и другие были созданы учеными – Коперником, Кеплером, Галилеем, – но они имели далеко идущие мировоззренческие, философские последствия. Так, у Н. Кузанского появляются философские идеи бесконечности мира и единства бога и мира, у Б. Телезио – идеи телесности, материальности всех вещей и движения как внутренне присущего материи принципа, у Дж. Бруно – идеи единства и вечности мира и материи как основы мира, субстанции. При этом Бруно выступает против схоластического подхода, утверждающего, что материя есть лишь некая «чистая» возможность, и против аристотелевского понимания материи как пассивной и выдвигает учение о материи как активном творческом принципе.

Наибольшего развития метафизическое понимание материи достигло в трудах французских материалистов XVIII столетия Ж. Ламетри, К. Гельвеция, П. Гольбаха, Д. Дидро. Новым в данном вопросе явилось у них отождествление мировой субстанции с материей и утверждение о данности последней в чувствах. «Вселенная, - писал, например, П. Гольбах в своей работе «Система природы», - это колоссальное соединение всего существующего, повсюду являет нам лишь материю и движение» (4, с.66). «По отношению к нам, - отмечал он далее, - материя вообще есть все то, что воздействует каким-нибудь образом на наше чувство» (4, с.84). Материя, оставаясь понятием всеобщего начала, одновременно выражает представление о многообразии явлений действительности, воспринимаемых нами в чувственном опыте. Вслед за английским материалистом Дж. Толандом, выдвинувшим положение о внутренней активности материи, Гольбах развивает идею связи материи и движения. Он рассматривает движение в качестве атрибута материи, в отличие от Спинозы, который считает движение лишь модусом атрибута пространственности. «Движение, - пишет Гольбах, - это способ существования, необходимым образом вытекающий из сущности материи» (4, с.75).

Ведущее место среди понятий, с помощью которых французские материалисты рассматривали природу, занимают «система» и «целое». Природа, согласно Гольбаху, это «великое Целое», состоящее из систем, которые «зависят от общей системы, от великого Целого» (4, с.66-67). Рост значения идеи системности в философии XVIII века отражал ее использование в науке, где была создана единая система земной и небесной механики, решались задачи классификации природных явлений, а термин «система» широко применялся в трудах И. Ньютона, Р. Гука, К. Линнея, П. Лапласа и других великих естествоиспытателей эпохи. Однако определение материи французскими мыслителями, в целом опережавшее уровень, достигнутый философией того времени, сочетается у них с метафизическим представлением о соотношении материи и конкретных веществ. Материя оказывается агрегатом нескольких неизменных элементов. В качестве ее общих свойств они указывают лишь на

те, с которыми связана механика: протяженность, делимость, твердость, тяжесть, сила инерции и т.п.

Марксистское понимание материи также связано с научными представлениями своего времени. Вторая половина XIX века ознаменовалась бурным развитием наук о природе. Философская обработка открытий естествознания принадлежит Ф. Энгельсу. В своих работах он показал, что диалектические закономерности столь же типичны для природы, как и для общества. Фактически Энгельс развивал философскую онтологию: он сформулировал принцип материального единства мира, высказал гипотезу общей связи и развития мира и попытался нарисовать схематичный эскиз общей картины природы, куда входили описание форм движения материи – от перемещения до мышления – и определения пространства и времени. «Вся совокупность процессов природы находится в систематической связи», образуя «мировую систему», - писал он в «Анти-Дюринге» (5, с.35). Особого внимания заслуживает данное Энгельсом определение материи как абстракции для обозначения всех существующих тел во вселенной. «Вещество, материя, - пишет он в «Диалектике природы», - есть не что иное, как совокупность веществ, из которых абстрагировано это понятие; движение как таковое есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; такие слова, как «материя» и «движение» суть не более, как сокращения, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей» (5, с.550).

Таким образом, определяя вслед за Спинозой материю в онтологическом аспекте как совокупность всех тел во вселенной, он окончательно разрушил представление о субстанции как о чем-то отличном от мира вещей, (праоснове, первоначале) господствовавшее в философии на протяжении веков. Развивая понимание материи как субстанции и одновременно как «системы природы», предложенное французскими материалистами, Энгельс продемонстрировал связь понятия материи с естественнонаучным знанием о вещах и процессах в мире. Безусловно, у Энгельса представление о материи

как субстанции также исторически ограничено уровнем знаний о природе. (Например, его классификация форм движения материи уже не соответствует сегодняшним научным представлениям). Тем не менее, данные им определения сохраняют свое философское значение.

Примечания:

1. Руткевич М.Н. Диалектический материализм. М., 1973.
2. Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1976. Т. 1.
3. См.: Асмус В.Ф. История античной философии. М., 1965.
4. Гольбах П. Система природы // Избр. произведения: В 2 т. М., 1963. Т. 1.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20.

Вопросы и задания:

1. Каково онтологическое содержание категории «материя»?
2. Назовите этапы развития философского учения о материи.
3. В чем состоит отличие метафизического понимания материи от диалектического? Проиллюстрируйте ответ цитатами из философских работ.

2. Современные концепции материи. Материя как вещь

В советской марксистской философии онтологическое понятие материи было на некоторое время оттеснено гносеологическим представлением о ней, исходной для которого явилась позиция В.И. Ленина, изложенная в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Она была обусловлена исторически и сформировалась в условиях кризиса вещественно-субстратного понимания материи в начале XX столетия. В этот период бурное развитие естествознания, крупные открытия, сделанные в физике, выявили относительность конкретных физических знаний и потребовали коренной ломки существовавших

представлений о структуре материи. Значение гносеологической концепции материи, созданной Лениным и развитой в советской марксистской философии, состоит в том, что она наглядно продемонстрировала недостатки вещественно-субстратного подхода, во-первых, сводившего материю к определенному виду веществу, а во-вторых, рассматривавшего ее как субстрат или основу вещей, отличную от самих вещей. Ленин показал несостоятельность отождествления конкретных физических представлений о структуре материи с философской категорией материи. В то же время он считал важной задачей укрепление союза диалектического материализма с современным естествознанием и разработку на этой основе понятия субстанции как «важной ступени в процессе развития человеческого познания природы и материи». «С одной стороны, - писал он в «Философских тетрадах», - надо углубить познание материи до познания (понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции» (1, с.142-143).

Эти положения не получили должного развития в советской марксистской философии. Учебники, словари и энциклопедии, а также монографические работы советского периода последовательно излагают гносеологическую концепцию материи, в которой материя и сознание рассматривались как внешние друг другу противоположности – объективная реальность и ее отражение. Это выражалось в таких формулах, как «материя первична, сознание вторично», «бытие определяет сознание», «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Считалось, что только гносеологическое определение материи является строго философским, т.к. оно непосредственно дает ответ на основной вопрос философии. (Но дело в том, что сам этот вопрос обычно формулировался лишь в гносеологическом аспекте, тогда как его онтологическая сторона опускалась). Некоторые авторы утверждали, что определение материи в онтологическом аспекте, вообще излишне, так как «характеристика материи как субстанции имплицитно входит в ленинское определение материи и в ма-

териалистическое решение основного вопроса философии, на котором оно базируется. Ведь признание первичности материи по отношению к сознанию и независимости ее существования от сознания и предполагает характеристику материи как субстанции» (2, с.96).

Однако с конца 50-х годов начинают появляться работы, в которых утверждается двухаспектность понятия материи и необходимость различать его онтологический и гносеологический смысл. Впервые наиболее аргументированно это утверждение высказано В.П. Тугариновым. «Материя в онтологическом плане, - пишет он, - выступает как всеобщий предмет, как сущность природы, как носительница всех свойств и связей существующего, а в гносеологическом отношении – как всеобщий предмет (объект) отражения, мысли, как объективная реальность, существующая вне и независимо от нас, действующая на наши органы чувств и вызывающая явления сознания» (3, с.30-31). Точка зрения, согласно которой материю можно рассматривать в двух аспектах, была поддержана М.Н. Руткевичем, А.П. Шептулиным, А.Г. Спиркиным, В.Л. Акуловым и другими.

Далее возникал вопрос о том, какое понятие использовать для обозначения материи в онтологии. Были предложены категории вещи, сущности, материального объекта, субстанции и некоторые другие. Наибольшие возражения вызывало понятие субстанции как устаревшее и бессодержательное, включающее по своему смыслу идею некоторой первоматерии, «подпорки» для всех свойств, материи как таковой. Справедливо отмечая, что «материи как таковой», отдельно от вещей не существует, С.Т. Мелюхин предлагает определять материю в онтологическом аспекте как «все множество существующих в мире объектов, которые обладают способностью к движению, взаимодействию в пространстве и времени, являясь субстратом для различных свойств и форм изменения» (4, с.47). Вслед за Энгельсом С.Т. Мелюхин совершенно справедливо говорит о тождестве материи как субстанции (хотя он и не использует этот термин) и мира в целом. Рассмотрение автором материи как «вещи», т.е. как субстрата, причины всех ее формообразований

(*causa sui*), также находится в рамках традиции материалистической онтологии.

Понимание материи как вещи встречало возражения у отечественных философов. В.Б. Кучевский, считая, что оно является «субстратным» и ведет к отождествлению философского понятия с физическим, предлагает использовать для обозначения материи в онтологии категорию сущности. «Зачастую, - пишет он, - ... теоретическое понимание материи, данное в ленинском определении последней, сводится к эмпирическим представлениям о ней, в результате чего в той или иной мере утрачивается подлинный смысл этого определения, в котором материя рассматривается, прежде всего, как всеобщая сущность бытия, а не в качестве той или иной вещи или свойства» (5, с.96). Сущность, отмечает автор, – это не субстрат вещей, а определяющая сторона их бытия. Этой «стороной» Кучевский, исходя из понимания материи как объективной реальности, считает отношение, очевидно, имея в виду отношение между материей и сознанием. Автор соглашается, что материю можно рассматривать и как вещь, и как свойство, но «за пределами определения». В основу же он кладет отношение: материя – это, прежде всего, отношение, а потому вещь и свойство (5, с. 111).

На наш взгляд, онтологическое понятие материи нельзя свести к понятию сущности, которое не соотносимо с понятием мира (материи), а соотносимо только с понятием явления. Противопоставлять материю как сущность бытия многообразию вещей с их свойствами как явлению было бы ошибкой. Сущность не пребывает отдельно от вещей, вне вещей, она – в самих вещах. В отдельных вещах проявляется их общая сущность, выражаемая в понятии материи, но нельзя сказать, что вещи – явления материи. Они – ее части, формы бытия, «модусы». Кроме того, понимание материи как «основы» вещей, отличной от самих вещей, означает, что материя – это не весь мир, а лишь какая-то его сторона, часть. Отсюда можно прийти к выводу, что в мире есть еще что-то, кроме материи. Но очевидно, что материя – это само бытие во всей его полноте. В этом смысле категория вещи представляется нам более

адекватной онтологическому содержанию понятия материи, чем категория сущности.

Другие противники «субстратного», «вещного» понимания материи рассматривают ее не как отношение, а как «систему» свойств. В этом состоит суть так называемой «атрибутивной модели» онтологического понятия материи. В качестве последовательных сторонников этой модели выступают Д.А. Гушин, В.В. Ильин, В.И. Свидерский и другие. С их точки зрения, материя онтологически может быть определена только через свои атрибуты. При этом в качестве термина для обозначения материи в онтологическом аспекте предлагается термин «материальный объект». «Раскрытие онтологического аспекта понятия материи, - пишут авторы, - связано с разработкой диалектической «модели» материального объекта, принципиально отличной от субстратных метафизических концепций. В ней должно фиксироваться не какое-то неизменное «вещество», «праматерия», «субстрат», «субстанция» («подпорка», на которую «навешены» атрибуты), а система взаимосвязанных атрибутов, неотъемлемо присущих любому материальному объекту (а тем самым материи в целом) и существующих в самых разнообразных конкретных формах...» (6, с.73). Справедливо отмечая, что понимание материи как неизменной «основы», «сущности» мира, по сути дела, есть не критическое продолжение метафизического понимания материи, авторы отказываются и от понятия вещи. Однако предложенный ими термин «материальный объект» явно носит гносеологический характер.

Атрибутивное понимание материи является наиболее распространенным в отечественной философской литературе. Эту точку зрения впервые обосновал А.И. Уемов в известной работе «Вещи, свойства и отношения». Выстроив целую систему доказательств, автор приходит к выводу о том, что «качественное» понимание вещи предпочтительнее «пространственного» и что, поэтому, вещь следует рассматривать как систему свойств, или качеств. «...Взаимоотношение свойств, - пишет он, - дает нам систему свойств, т.е. ... вещь. Взаимоотношение вещей также дает нам вещь, так как каждая из этих

вещей представляет собой систему свойств, и этот случай можно свести к предыдущему». «Отношением будет называться то, что образует вещь из данных элементов. Этими элементами, в свою очередь, могут быть свойства или другие вещи» (7, с.51).

На наш взгляд, с таким пониманием вещи (и субстанции) нельзя согласиться. Действительно, логические (онтологические) категории вещи, свойства и отношения находятся в тесной взаимосвязи, и каждая из них не может мыслиться в отрыве от других. Все они важны для понимания общей структуры мира, но не являются при этом абсолютно равноправными. Совсем не безразлично, что положить в основу бытия – вещи, свойства или отношения. Первое – наиболее логично с точки зрения языка, здравого смысла и научного знания. Как можно представить, что свойства (или отношения) образуют, составляют вещь? Значит ли это, например, что свойства металла – цвет, удельный вес, твердость, плавкость, электропроводность и другие – сначала должны существовать каждое само по себе, а затем почему-то соединиться в одну вещь – золото, серебро, медь, железо и т.д.? Это совершенно невысказано и нереально.

Свойство – не самостоятельная вещь, а черта вещи, характеризующая ее действие, поведение, это форма, способ существования и проявления вещи. Нет свойства, отдельного от «тела» вещи, таковым его можно представить лишь мысленно. Например, шарообразность и упругость мяча или твердость и гибкость стали – это лишь характеристики вещества этих предметов, неотделимые от него. Вряд ли мы скажем, что мяч «состоит» из шарообразности и упругости, а сталь – из твердости и гибкости. Вещи не могут «создаваться» из своих свойств, поскольку последние как таковые существуют только в абстракции. Конечно, и вещь не существует без свойств (и отношений), но они – не элементы вещи, не ее части, а лишь ее особенности, характеристики ее природы. Как показывает современное естествознание, любой из известных объектов состоит из элементов, т.е. вещей, и возникает благодаря соединению этих элементов. Это касается, прежде всего, неоргани-

ческой природы. В живой природе дело обстоит сложнее, поскольку организм как целое формируется вместе со своими частями, органами; но все равно он возникает как система вещей-органов, обеспечивающих его существование, образующих его как целое.

Из логики мышления и языка, обусловленной природой бытия, вытекает признание в качестве «главной» среди других онтологических категорий именно категории вещи. Не случайно мы говорим: вещь обладает свойствами, свойства принадлежат вещи. Так пишет и сам А.И. Уемов. «...Вещь обладает множеством различных качеств...» (7, с.39). «...Качество присуще вещи, оно должно характеризовать вещь. Но то, *что* присуще, то, *что* характеризует, должно чем-то отличаться от того, *чему* присуще, *что* характеризуется. Иными словами, понятие качества должно отличаться от понятия вещи» (7, с.36). С этим нельзя не согласиться. Но сказанное противоречит пониманию вещи как системы свойств, которого придерживается автор. Если попытаться отличить всю совокупность свойств вещи от нее самой, то отличать будет не от чего, ибо сама вещь – это ...совокупность свойств. Следовательно, естественное, присущее здравому смыслу и обычной логике понимание соотношения вещи и свойства, выраженное автором в приведенных цитатах, несовместимо с «искусственным» пониманием, которое он обосновывает в своей книге.

Точка зрения, согласно которой вещь – наиболее фундаментальная характеристика мира, последняя единица бытия, не принадлежащая ни свойству, ни отношению, ни чему бы то ни было, высказывалась в истории философии. Так, согласно Гегелю, вещь самосуца, а свойства, в отличие от вещей, не самостоятельны. Отношение между вещью и свойством Гегель характеризует понятием обладания: вещь не состоит из свойств, а обладает ими, состоит же она из вещей. «... Вещества, из которых состоит данная вещь, - пишет он, - сами, в свою очередь, суть вещи, которые, как таковые, могут быть разложены на более абстрактные вещества...» (8, с.217). Ф. Энгельс определял материю как совокупность тел. «...Существуют не качества, а только вещи,

обладающие качествами...», - отмечал он (9, с.547). Сходные определения можно найти и в философии советского периода, например, в работах В.П. Тугаринова и С.Т. Мелюхина, цитированных нами выше.

Из сказанного следует, что материя есть всеобщая вещь (в логическом смысле слова), «суммирующая», интегрирующая все бесконечное множество отдельных вещей. Вместе с тем, материя как обобщенная, всеохватывающая вещь отличается от «обычных» вещей, своих частей, будучи их системой. Если они конечны, то она бесконечна в пространстве и во времени. Как целостность, всеединство, она движется иначе, чем ее отдельные части, развиваясь от простого к сложному или проходя циклы превращений. Поскольку материя бесконечна, мы о ней можем судить, в ряде случаев, лишь проблематично, вероятно. Но это не означает, что мы ничего не можем знать о материи как целом. Материя состоит из вещей и сама является особого рода вещью. Поэтому то, что мы говорим об особенной, конечной вещи, может относиться к материи, и то, что мы говорим о материи, может относиться к каждой отдельной вещи. В онтологическом понятии материи, как мы уже отмечали, диалектически соединяются представления об *особенном* (отдельных вещах) и *всеобщем* (всеобщей вещи).

Примечания:

1. Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29.
2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебное пособие. М., 1987.
3. Тугаринов В.П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956.
4. Мелюхин С.Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966.
5. Кучевский В.Б. Анализ категории «материя». М., 1983.
6. Диалектика материального мира. Онтологическая функция материалистической диалектики. Л., 1985.
7. Уемов А.И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963.
8. Гегель Г. Сочинения. М., 1931. Т. 1.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20.

Вопросы и задания:

1. Как Вы понимаете тезис о «двухаспектности» категории материи?
2. Проанализируйте различные онтологические определения материи (как сущности, как вещи, как субстанции и т.п.). Какое из них, на Ваш взгляд, является предпочтительным?
3. Каково соотношение понятий вещи и свойства в логике?
4. Дайте оценку «атрибутивной» концепции материи.

3. Атрибуты материи: пространство, энергия, «дух»

Если вещь есть самостоятельная единица бытия, не сводимая к ее свойствам, что же есть в вещи, кроме свойств? Как известно, с позиций диалектической логики, вещь характеризуется не только в рамках триады «вещь-свойство-отношение». Существует еще ряд категорий, необходимых для описания ее природы: это сущность и явление, внешнее и внутреннее, часть и целое, система и элемент, субстрат и структура, форма и содержание и другие (1). Все они не «умещаются» в понятии свойства, но составляют особый, самостоятельный по отношению к нему контекст. Поэтому мы можем что-то сказать о вещи, не прибегая к категории свойства.

То, что природа вещи не исчерпывается свойствами, следует также из ее реального существования в пространстве и времени. Вещь является пространственным образованием, она имеет объем, чего нельзя сказать о свойствах. Ее части также пространственны, объемны. Пространственное понимание вещи означает, что пространство есть не свойство в ряду других свойств, а сама вещь (ее форма), что именно пространственные характеристики являются основанием для выделения вещи как таковой из окружающей действительности. Против такого понимания и выступает А.И. Уемов, противопоставляя его качественному пониманию вещи как с ним несовместимое. (На наш взгляд, их нужно не противопоставлять, а объединить, о чем будет сказано ниже).

Отказ от пространственного понимания вещи фактически ведет к отрицанию ее материальности. Вещь как таковая «исчезает», остаются одни свойства, которые никак не в состоянии образовать материю. На самом деле, свойства обусловлены природой вещи, ее субстратом и структурой, вещью как системой частей, т.е. вещей, а эта система имеет пространственный характер (почему и можно говорить о ее частях). О пространственной природе вещи (материи, субстанции) говорили многие философы, в том числе, Платон, Декарт и Спиноза. «... Нельзя отличить материю от ее собственного количества и ее внешней протяженности, т.е. от ее свойства занимать пространство, - писал, например, Декарт. - ... Я рассматриваю протяженность материи и ее свойство занимать пространство не как акциденцию, а как ее истинную форму и сущность» (2, с.199).

«Исчезновение» вещи неизбежно, если мы отрицаем необходимость логического предшествования вещи характеристикам ее бытия. Прежде, чем сказать, *как* она существует, надо знать, *что* она такое. Если вещь – носитель свойств или форм бытия, то она должна чем-то быть помимо них. Иначе, она оказывается просто фикцией. Чтобы найти эту вещь «саму по себе», надо абстрагироваться от всех ее свойств до тех пор, пока дальнейшее абстрагирование станет невозможным. Представляется, что предел такому абстрагированию ставит пространство. Можно отвлечься от времени и движения, но вещь останется собой. Если же мы уберем пространство, то уберем и вещь. И дело не в наших субъективных особенностях, не в том, что зрительное восприятие мира играет наиболее важную роль в его чувственном познании. Оно играет эту роль потому, что мир, прежде всего, – это пространство, точнее материя как протяженность, как определенные структуры, обладающие пространственными характеристиками. С позиций физики это положение было обосновано А. Эйнштейном, который опроверг механистическое представление о пространстве как пустомместилище вещей. Протяженные вещи могут быть плотными, «сплошными» (вещество) или «пустыми» (физический вакуум).

ум, поле), но они образуют определенные конфигурации из своих частиц, и такова их пространственная форма.

Другим логически исходным моментом, без которого нельзя представить себе материю (вещь), является энергия, способность к движению. Прежде, чем рассматривать материю в движении, мы уже должны предполагать, что она обладает к нему внутренней способностью. Если протяженность – форма материи, то энергия – это ее содержание. Необходимо признать и третий компонент материи – «духовный», который «в самом фундаменте материи», в неживой природе и на ранних стадиях развития жизни выступает как нечто «сходное с ощущением». (Вопрос о его соотношении с материей будет рассмотрен в следующем параграфе). Пространство и энергия (а также «дух») – только первые характеристики материи, ими она еще полностью не определяется. Но их отличие от дальнейших характеристик состоит в том, что они дают, хотя и самое абстрактное, но все же достаточное представление о материи как «носителнице» всех свойств. Означает ли это возрождение ее метафизического понимания, с критикой которого мы соглашались выше? Очевидно, нет.

Дело в том, что материю можно рассматривать в двух планах: как субстрат своих свойств (вещь) и как бытие в целом (всеобщем), охватывающее и субстрат и присущие ему свойства. Вещь не может существовать без своих свойств, свойства характеризуют ее природу. Например, движение – своего рода свойство, поскольку оно не составляет материи, а является особенностью, чертой ее существования. Без него нельзя мыслить материю, как и без других ее всеобщих и необходимых свойств. Поэтому материю надо определять как совокупность всех вещей, обладающих такими-то свойствами. Это значит, что понимание материи должно быть субстратно-атрибутивным, точнее, субстанциально-атрибутивным, или субстанциальным (имея в виду, что субстанция необходимо обладает атрибутами). Такой подход позволяет избежать односторонней – как «субстратной», так и «атрибутивной» – трактовки понятия материи. Но реализовать его можно, только рассмотрев мате-

рию как вещь саму по себе, что мы и попытались сделать.

Еще одна сложность заключается в том, чтобы, сохраняя субстратное понимание материи (хотя и в единстве с атрибутивным), избежать отождествления философского понятия материи с физическими представлениями о ее строении, что, в свою очередь, неизбежно ведет к идее исчезновения материи. (Например, если материя мыслится как совокупность атомов, то с открытием разложимости атомов на элементы многие физики и некоторые философы решили, что материя исчезла). По-видимому, чтобы выйти из этого затруднения, необходимо признать субстратом не только известные нам вещи, но и пока не известные, как предлагал С.Т. Мелюхин. Это означает вполне разумное признание историчности, изменчивости субстратного понимания материи. Конечно, чтобы не впасть в данном случае в релятивизм, не сделать онтологическое понятие материи чрезмерно неопределенным, что чревато опасностью отказа от него, надо установить некоторые абсолютные признаки, не меняющиеся вместе с развитием научных знаний о строении мира. Эти признаки могут быть и «субстратными», и «атрибутивными».

Абсолютными, всеобщими характеристиками материи в субстратном аспекте (независимо от того, каким в данное время представляется ее конкретное содержание, и независимо от того, как оно изменяется в связи с развитием научного познания) являются пространственность, или протяженность, энергия и духовная компонента. Кроме субстратных можно назвать и всеобщие атрибутивные характеристики материи. Это – время, без которого немислимо существование материи, движение, качественная и количественная бесконечность, несотворимость и неуничтожимость, закономерность и причинная обусловленность событий и другие. Учитывая наличие таких общих и абсолютных особенностей материи, необходимо признать в границах их существования положение об изменчивости представлений о ее строении. Материя в тех или иных областях мира изменяет свои конкретные формы, творит новые и уничтожает старые, но при этом вечно остается, в общем и целом, одной и той же. Изменчивость и постоянство в их единстве и нераз-

дельности – неотъемлемые черты материи, и они должны, поэтому, получить выражение в ее философском понятии.

Примерно так же обстоит дело с отношением всеобщего, абсолютного и относительного, конкретного в содержании понятия материи. Познает ли и выражает ли онтология в своем понятии материи только всеобщие моменты, «сущность» мира или все многообразие мира, мир как целое? Представляется, что здесь нет дилеммы: верно и то, и другое. По своему объему понятие материи охватывает все, что есть в мире, все бытие. Оно соразмерно миру, отражает все существующее. Но по содержанию оно выражает только наиболее общие и существенные черты, которые, хотя и присущи все вещам, однако, абстрагируются от их конкретных форм. Поэтому «материя» выступает как отвлеченное понятие субстанции, в котором фиксируется лишь то, что все вещи имеют нечто общее и представляют основу для своих свойств и проявлений. Субстанции нет как таковой, отдельно от единичных вещей, это понятие лишь выражает их общую природу и взаимную связь, единство.

С другой стороны, понятие материи, так или иначе, непосредственно или опосредованно, в конечном счете, связано со всей полнотой знаний о мире, и не может быть определено иначе, чем через это знание, конечно, взятое в его обобщенном виде. Когда мы говорим, что материя – это совокупность всех вещей в мире, то подразумевается, что знания о них всех, точнее, об их видах и родах, уже получены в результате предшествующего процесса познания и позволяют сделать те обобщения, которые входят в философское определение материи. Поэтому понятие материи, кроме абстрактной формы, имеет и конкретную. Абстрактное понятие определяется краткой дефиницией, его объем, как учит логика, обратно пропорционален содержанию: объем наиболее широк, содержание наиболее узко. Последнее означает, что оно охватывает минимальное количество признаков вещей. Конкретное же понятие равнозначно всему учению о материи и должно включать все имеющие принципиальное значение знания о многообразии мира. Абстрактным понятием материи мы оперируем, опираясь на конкретное, которое при этом, ко-

нечно, не держим в фокусе сознания, но, не отдавая каждый раз себе отчета, принимаем за основу нашего понимания и рассуждения. Между конкретным и абстрактным понятием при этом нет какой-то резкой границы, а степень их конкретности или абстрактности может быть различной. Они глубоко взаимосвязаны, не только различны, но и тождественны между собой.

Конкретное понятие материи в некотором смысле совпадает с содержанием научных знаний о мире, которые в форме этого понятия превращаются, разумеется, путем переработки и обобщения, в философские знания. Те, в свою очередь, благодаря дальнейшему обобщению, воплощаются в абстрактном понятии материи. Поэтому нельзя согласиться с Д.А. Нуриевым, который оставляет философское значение только для понятия субстанции, материю же рассматривает как понятие, выражающее «вещественно-полевое» строение мира, т.е. имеющее только физическое содержание (3, с.8). Онтология, по его мнению, не несет никакой естественнонаучной нагрузки (3, с.116). Очевидно, что в этом случае категория субстанции и онтология вообще становятся совершенно бессодержательными, сводятся к «тощим» абстракциям.

В действительности понятие материи, будучи философским, в то же время имеет естественнонаучное содержание, присутствующее в нем в «снятом» виде. Это снятие и выражается в определении материи как субстанции, как онтологической категории. Категорию материи нельзя вывести за пределы онтологии, «развести» с понятием субстанции. Термин «субстанция» в онтологии получает определенный смысл лишь в том случае, если он применяется для характеристики материи. Только тогда он последовательно выражает фундаментальный принцип онтологии – принцип единства мира, поскольку материя есть одновременно и всеобщая вещь, и совокупность конкретных, единичных вещей. При этом диалектико-материалистический монизм (в отличие от метафизического материализма) органически включает в себя идею изменения и развития не только в феноменальной сфере, но и в сфере субстанциальной.

Таким образом, субстанция в материалистической онтологии – это некий икс, обладающий «атрибутами», а совокупность вещей, знания о которых дают науки, но рассматриваемых отвлеченно, с точки зрения присущих им всеобщих свойств. Материя (в онтологическом аспекте) – это совокупность всех вещей во Вселенной (микрочастиц, атомов, молекул, макротел, мегател и полей), обладающая такими всеобщими свойствами, как пространственная бесконечность, вечность во времени, движение и развитие, причинность и закономерность, единство прерывности и непрерывности и другие, а также всеобщая «чувствительность», или «духовность», а на определенной стадии развития – психика и сознание.

Первая часть определения содержит указание на научные представления о физическом строении мира. Но это не просто «физическая» часть определения, поскольку во второй части имеется «поправка» к первой, состоящая в том, что многообразие вещей в философии берется в обобщенном виде, с точки зрения их общих свойств. Таким образом, это определение поднимает естественнонаучное содержание до философской формы и в целом является философским, а не просто суммирующим философское и физическое значения. Правильно понять это определение, а, значит, и смысл категории материи можно лишь при условии, если взять его в движении, в процессе абстрагирования, ибо оно существует именно таким образом и иным быть не может. Это движение выражает и осуществляет неразрывное единство, взаимопроникновение философского и научного знания. Онтологическое определение материи является не менее «философичным», чем гносеологическое, надо лишь правильно его сформулировать. Сделать же это, как мы пытались показать, невозможно иначе, чем путем обращения к ее «вещественному» («вещному») пониманию.

Как соотносятся между собой онтологическое и гносеологическое определения материи? Какое из них шире? Мы уже отмечали, что не согласны с утверждением, будто гносеологическое определение материи содержит и онтологический аспект, а поэтому никакого специального онтологического

определения и не нужно. Правильнее было бы сказать, что онтологический аспект этим определением предполагается, но в целом оно является гносеологическим, ибо речь в нем идет об отношении познаваемого, или отражаемого, объекта к познанию. Онтология же имеет дело с отношением между бытием духа и бытием мира, связанным с вопросом: составляют ли они единое бытие и если да, то каким оно является в основе – духовным или материальным? Онтологическое определение материи в материалистической философии и отвечает на этот вопрос, утверждая, что единство мира состоит в его материальности, что мир – это материя, а бытие духа – лишь момент в бытии материи. Именно в этом суть определения материи как субстанции (всеобщей вещи). Как видим, онтологическое определение совершенно отлично от гносеологического и не может быть им заменено. Они лишь дополняют друг друга, а вместе могут составить полное, общее определение материи. Для этого надо проделать простую операцию – включить в онтологическое определение гносеологическое, а именно, к данному выше определению добавить следующие слова: по отношению к содержанию сознания материя выступает в качестве объективной реальности, существующей независимо от него и отображаемого им. Таким образом, материя выступает и как субстанция, и (относительно содержания сознания) как объективная реальность.

Нетрудно заметить, что по содержательности характеристики материи гносеологическое определение значительно уступает онтологическому. Из первого мы еще ничего не узнаем о материи, кроме того, что она не зависит от сознания и отображается им. О том, что такое материя в содержательном плане, в нем ничего не говорится. На этот вопрос отвечает онтологическое определение. Гносеологическое определение является в известном смысле суженным, урезанным, условным еще и потому, что из него исключено сознание как субъективная реальность. Отсюда парадокс: изучая объективную реальность, мы не находим в ней сознания как предмета познания, хотя сознание других людей существует объективно, независимо от моего сознания. (Но оно не существует «независимо» от сознания вообще). Этот парадокс

требует еще своего осмысления. Но, видимо, он обусловлен ограниченностью, относительностью самого гносеологического определения материи.

Примечания:

1. См.: Гумницкий Г.Н. Марксистская диалектика как система. М., 1987.
2. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т.1.
3. Нуриев Д.А. Понятие материи в философии: Системный анализ. Уфа, 1995.

Вопросы и задания:

1. Можно ли сказать что-то о вещи, не прибегая к описанию ее свойств?
2. Что представляет собой материя как вещь «сама по себе»? Каковы ее исходные характеристики?
3. Приведите аргументы в пользу субстратно-атрибутивной концепции материи.
4. Как соотносится философское, абстрактное понимание материи с ее конкретным, научным пониманием?
5. Как соотносятся онтологическое и гносеологическое определения материи?

4. Проблема единства материи и духа в истории философии

Идея единого начала многообразных явлений действительности не исчерпывает принципа единства мира – главного принципа онтологии. Как мы уже отмечали, этот принцип имеет еще два аспекта, которые находят свое выражение в идее единства материи и духа, а также в идее всеобщей взаимосвязи явлений действительности, единых законов движения и развития мира. Противоречие материи и духа является наиболее фундаментальным противоречием бытия. Поэтому вопрос об их единстве – центральный вопрос онтологии и философии в целом.

Вопрос о соотношении материи и духа в прямой форме возникает в философии не сразу, в связи с чем высказывается мнение, что в древней фило-

софии не было деления на материализм и идеализм. Действительно, не было прямого заявления позиций, открытого противостояния, указаний на существование идейных противников и на несогласие с ними. Осознание этой проблемы происходило постепенно, четкую формулировку она приобрела лишь в философии XIX века. Кроме того, в античных учениях идеализм (в отличие от материализма) еще не является последовательным, а сочетается с материализмом. Наглядный пример – Платон и Аристотель. У них сознание не выступает еще как единственно сущее и творец материи, материя признается существующей самостоятельно, хотя ей и отводится пассивная роль.

Непроявленность основного противоречия бытия в древних философских системах была связана с тем, что философия, в эпоху своего формирования выступавшая как натурфилософия и продолжавшая традиции первобытного анимизма, еще не противопоставляла живое и неживое, психическое и физическое, идеальное и материальное. Например, у Платона идеи – это образы в пространстве, у Демокрита душа состоит из легких огненных атомов, а у Анаксимена – из воздуха. Философия еще не задавалась вопросом об отличии мира человеческого, духовного от мира природного: предметом ее была природа в самом широком смысле этого слова и человек как природное существо. Однако понимание человека как части мирового целого (у Анаксимандра и Гераклита, а особенно у Демокрита и Эпикура) уже содержит в себе этот вопрос, хотя и в неявном виде. Это естественно, ибо, признавая человека частью мира, мы не можем полностью отвлечься от его отношения к миру, т.е. от отношения сознания к бытию, даже рассматривая бытие как таковое в его всеобщности.

Первая в истории философии постановка вопроса об отношении мышления и бытия принадлежит Пармениду. Однако они не противопоставляются, а характеризуются как тождественные: «одно и то же есть мысль и бытие». С позиций наивно-материалистических идея единства духа и мира высказывалась Фалесом и другими греческими философами. Так, из слов Гераклита уже можно сделать вывод, что духовное начало вечно, существует в

лоне материи и оказывает на нее воздействие. Действительно, если мир есть вечно живой огонь, то логос, являющийся законом самого огня, не может мыслиться вне этого мира. Иногда «логос» интерпретируют как «разум», «мысль». Но управляются ли превращения огня его естественной природой или разумом – этого вопроса Гераклит еще не ставит. Наоборот, он признает материальность самого логоса, считая его «эфирным телом».

По мере выделения человека из природы и его самоопределения центр тяжести философской проблематики смещается в сферу антропологии и теории познания. Эту новую установку можно видеть в древнегреческой философии у софистов и Сократа, а в восточной – у Конфуция. Философское понимание человека переросло представление о нем только как о природном существе, он начал рассматриваться как субъект, несущий в себе совершенно иной мир – дух, душу, разум – который и является его сущностью. Осмысление отличий человеческой души от «психей» природы, особенностей человеческой субъективности, сознания и познавательных способностей, начатое еще Гераклитом, привело к выявлению основного противоречия между материальным и духовным, миром природы и человеческим сознанием, что заметно у Платона и Аристотеля и достигает большой силы у неоплатоников.

В средневековой философии основное противоречие между духом и материей было обострено до предела: они были абсолютно противопоставлены друг другу. Вопрос о соотношении духовного и материального принципов бытия получил иную формулировку, что было, как известно, связано с упрочением христианского монотеизма и его влиянием на философское мышление. В этот период идеализм достигает своей завершенности, сливаясь, как философское учение, с богословием. Религиозное представление о боге, рассматриваемое в философском плане, равнозначно понятию мирового духа, или сознания, как субстанции мира. При этом материя понимается именно как нечто вторичное, как творение сознания-бога. (Августин). Бог творит мир из ничего, мир произведен от сознания, от духа, он – его продукт.

Идея единства, целостности мира, столь характерная для античной философии, здесь утрачивается.

В эпоху Возрождения и Новое время философия в лице Дж. Бруно и Б. Спинозы пытается обосновать идею взаимосвязи материи и сознания. У Спинозы субстанция едина, она соединяет в себе протяженность и мышление, – атрибуты, которые у Декарта были разделены между двумя субстанциями. Именуя субстанцию богом, или природой, Спиноза тем самым подчеркивает, что это не бог теистических религий, он не есть личность, наделенная сознанием, могуществом и волей, не есть творец природных вещей. «Бог является имманентной, а не внешней причиной всех вещей» (1, с.80). Это – бесконечная, безличная сущность, универсальный принцип существования мира. Пантеизм Спинозы имеет материалистическую ориентацию, и не случайно материалисты XVII и XIX веков нередко апеллировали к его учению.

Взаимосвязь материи и сознания была основной проблемой в философии французских материалистов. Конкретизируя онтологическое содержание категории материи через анализ ее атрибутов, они развивают понятия движения, причинности и необходимости, а также понятие духа как неотъемлемого свойства субстанции. В онтологическом аспекте духовное само рассматривается как материальное, ставится в один ряд с притяжением, теплотой и другими физическими свойствами вещей. Так, согласно П. Гольбаху «сознание состоит в явственном сотрясении, в воспринятой нами модификации мозга», а ощущение – это «способ бытия нашего мозга», определяемый воздействием извне (2, с.66). Идея единства материи и духа как субстанции и атрибута была впоследствии развита в марксизме. Ф. Энгельс, как известно, рассматривал мышление как одну из форм движения материи.

Основной вопрос философии является центральным и для ряда направлений современной западной философии, прежде всего, для неотомизма и научного материализма. Последний, рассматривая проблему соотношения психики и мозга, развивает тезис психофизического тождества. Этот тезис предполагает, что явления психики и сознания в принципе должны либо сво-

даться к определенному подклассу телесных (физиологических) явлений, либо объясняться, исходя из физико-химических процессов центральной нервной системы. Первоначальная редукционистская установка научного материализма под влиянием достижений науки, материалистической философии и внутренней логики его собственного развития сменилась эволюцией в сторону материалистической диалектики. Последняя разновидность научного материализма – эмерджентистский материализм (М. Бунге, Д. Марголис, Р. Сперри) – допускает относительную самостоятельность явлений психики и сознания в качестве атрибутов одной-единственной и развивающейся материальной субстанции, т.е. утверждает их единство (3).

Однако концепция абсолютной противопоставленности духа и материи, сформировавшаяся в средневековье, оказала сильное влияние на все последующее развитие европейской философии вплоть до конца XX века. Это влияние заметно у Декарта и в идеалистических философских системах, а также в советской марксистской философии, в частности, в абсолютизации гносеологического противопоставления материи и духа, первичного и вторичного, в утверждении, что сознание абсолютно нематериально и т.п.

Сегодня в отечественной философии признается неправомерность переноса гносеологической формулировки проблемы соотношения материи и сознания (что первичного, что вторично?) в онтологию, делающего эту проблему неразрешимой. Сознание не может существовать без материального носителя, а материя не может существовать без свойства отражения, поэтому нельзя говорить об их первичности или вторичности (4). В литературе все чаще звучит мысль о том, что материализм должен изменить свою форму, признать, что в онтологическом аспекте сознание не противопоставлено миру, а является его стороной и, следовательно, само материально. «Назрела... необходимость по-новому ставить проблему соотношения бытия и сознания как двух сторон материальной действительности, истоки которых заключены в самом фундаменте материи, - пишет, например А.М. Ковалев. - Это дало бы возможность рассматривать духовное в качестве одной из форм

существования материи и тем самым по-новому поставить вопрос о влиянии идеального на вещественное, о познаваемости мира, о соотношении науки и религии, а также о месте и назначении человека во Вселенной» (5, с.33).

Примечания:

1. Спиноза Б. Этика // Избр. произведения: В 2 т. М., 1957. Т. 1.
2. Гольбах П. Система природы // Избр. произведения: В 2 т. М., 1964. Т. 1.
3. См., напр.: Марголис Дж. Личность и сознание. М., 1986; Естественнонаучный материализм в современной буржуазной философии. М., 1986.
4. См., напр.: Дерюгин С.В. Основной вопрос философии: вариант решения проблемы // Философские науки. 1991. № 1.
5. Ковалев А.М. О некоторых назревших проблемах философской науки // XXI век: Будущее России в философском измерении. Материалы Второго российского философского конгресса: В 4 т. Екатеринбург, 1999. Т. 1. Ч. 2.

Вопросы и задания:

1. С чем связана «непроявленность» основного противоречия бытия (материи и духа) в философских системах древности?
2. Назовите имена философов, которые впервые поставили вопрос о специфике человека как духовного существа.
4. Можно ли характеризовать современную философию как преимущественно дуалистическую (или монистическую) в решении основного вопроса философии?

5. Сознание как атрибут материи

Мысль о материальности сознания высказывалась в нашей литературе еще в 60-е годы (1). Позднее, в связи с утверждением двухаспектного понимания материи, многими философами сознание начало трактоваться не только как вторичное, как идеальный образ, но и как материальное свойство субстанции. Отечественная философия, временно выпавшая из традиции материалистической философской мысли в плане понимания духа как материального по своей природе, вновь возвращается к этой идее. Так, В.Л. Акулов, характеризуя материю в онтологическом и гносеологическом аспектах, отмечает, что, таким образом, сознание есть одновременно и свойство материи, - и постольку оно материально (в онтологическом аспекте), и образ материи, - и постольку оно идеально (в гносеологическом аспекте) (2, с.30). Эта мысль, по сути, была выражена еще Энгельсом, когда он писал о различных формах движения материи от простого перемещения до мышления. Из тезиса о материальном единстве мира, принадлежащего Энгельсу, вытекает, что в мире нет ничего нематериального, значит, и сознание не может быть нематериальным. В настоящее время эта мысль не вызывает больших возражений. Появился ряд работ, в которых вопрос о соотношении материи и сознания ставится именно в таком ключе (3).

Признание материальности сознания не означает, что признается существование какого-то особого рода материи – психической, как считают некоторые авторы (4). По сути, они стоят на позиции вульгарного материализма, с которой наша точка зрения не имеет ничего общего. Сознание, мысль – не какая-то особая материя, а «элемент» материи, ее внутренняя «сторона». Вся материя пронизана духом. Нет «чистой» материи без духа и нет духа как особой материи, а есть одна материя, единая природа, имеющая две стороны: объективную, физическую, и субъективную, «психическую». Противники материализма обычно представляют материю как «бесчувственное», мертвое вещество, как нечто грубое и косное. Поэтому дух выступает у них как антипод материи. Конечно, трудно себе представить, что неорганическая материя

«духовна», «чувствительна». Но иначе мы не сможем оставаться на монистической позиции, не сможем объяснить феномен сознания, не впадая в алогизм дуалистического миропонимания.

Категория духа в данном контексте предпочтительнее традиционно используемого понятия отражения, которое имеет тот недостаток, что его можно трактовать в чисто физическом смысле, как это обычно и делается в нашей литературе. Между тем, речь должна идти не о физической, а о «психической» форме, присущей всей материи. Материя, способная отражать, – это материя, производящая свое субъективное содержание, свою духовную составляющую. И это не просто физические, структурные изменения в одном объекте под воздействием другого. Здесь еще нет ничего субъективного. С этой точки зрения нельзя понять переход от физического к психическому. Между ощущением и «простым следом», или отпечатком, – сходство лишь чисто внешнее, формальное, тогда как между «зачатками» ощущения и собственно ощущением имеется внутренне сходство, определенное тождество. Это тождественное в «чувствительности» самых элементарных форм неорганической материи, в ощущении, психике и сознании и представляет собой духовную, субъективную сторону материи, информацию в духовной форме.

Характеристика духа (сознания) как «внутренней», субъективной стороны материи означает, что его необходимо рассматривать не в качестве свойства, «атрибута», но в качестве «состояния» материи, функции мозга, продукта его деятельности и т.п., что часто и делается в литературе. Правильно ли, например, продукты психической деятельности человека, т.е. содержание сознания, характеризовать как атрибут материи, ее свойство? Видимо, нет. Свойство и продукт – разные понятия. Представляется более правильным считать, что содержание сознания и психики вообще – это особая субъективная форма, или сторона бытия материи. В этом смысле гносеологическое отношение – это отношение материи к самой себе, ее субъективной стороны к объективной, ее «самопознание». Тем самым, психическое как порождение и отражение материи вписывается в материалистическую монистиче-

скую картину Вселенной, не теряя своей специфики, отличающей его как субъективную реальность от реальности объективной. Это, естественно, относится и к той высшей форме психического, которая выступает как человеческое сознание. Что касается самой духовной, или отражательной, деятельности материи, то ее, в отличие от ее продуктов, действительно можно считать неотъемлемым и извечным свойством материи, атрибутом.

Материя – это субъект, она во всем своем «объеме» обладает субъективностью, принимающей на разных этапах ее развития различные формы: от скрытой чувствительности до сознания. Признать идеальное или духовное в самом широком смысле – как всеобщую чувствительность, как нечто, сходное с ощущением, существующее уже в неживой материи – необходимо, ибо в противном случае нельзя объяснить возникновение ощущения и сознания. Этой точки зрения придерживались многие выдающиеся представители материализма – Б. Спиноза, Д. Дидро, К. Маркс, В.И. Ленин и другие. Высказывается она и в современной литературе. Так, Т. Павлов, ссылаясь на Ленина, отмечает, что без идеи об отражении как о свойстве, присущем всей материи, сознание должно было бы появиться внезапно, как револьверный выстрел (5). Тейяр де Шарден пишет о том, что все в природе существует с самого начала – и жизнь, и разум, только в других формах (6). Это же имеет в виду В.В. Налимов, говоря о «вездесущности слабых форм сознания», о «семантическом поле Вселенной» (7, с.57, 105).

Субъективная форма материи как ее принадлежность также материальна. Следовательно, представления о духе (сознании) как «бестелесном» и потому находящимся вне пространства и времени, нередко выдававшиеся в нашей литературе за вполне приемлемые с точки зрения материализма, нельзя признать таковыми. Утверждать это, значит «выносить» дух за пределы материи, ибо пространство – это ее имманентная форма, и все, что относится к материи, находится и в пространстве. Это отнюдь не означает, что сам дух (сознание) имеет три измерения. Сознание – не физическая часть материи, а ее субъективное состояние, которое «включено» в физический субстрат. Оно,

следовательно, находится «там же», где этот субстрат, и в то же самое время, в какое в этом субстрате происходит психический процесс, восприятие или осмысление какого-либо объекта, а также осмысление мыслью самой себя. Только так можно истолковать дух с позиций материалистической онтологии.

Представления философского материализма о единстве материи и духа в XX веке были подтверждены естествознанием в результате исследований человеческого мозга. Эти исследования показали взаимное подчинение и взаимное влияние психического и физиологического. Было обнаружено, что можно стимулировать, видоизменить, уничтожить все черты характера человеческого духа, воздействуя на мозг химически, электрически или анатомически. Можно полностью уничтожить сознание рассечением или повреждением мозга, можно изменить состояние сознания с помощью наркотиков; электрические или химические воздействия на некоторые зоны коры головного мозга способны вызывать различные видения, ощущения, эмоции и т.п. Любое изменение психики связано с определенными молекулярными взаимодействиями и зависит от химии мозга (так, например, депрессии соответствует уменьшение количества серотонина в мозге).

И наоборот, все, что затрагивает сознание, затрагивает и мозг, а через мозг и весь организм. Так, установлено, что горе или сильная депрессия ослабляют иммунную систему и что болезни духа могут перейти в болезни тела (психосоматические). Гипноз может провоцировать различные психологические и соматические расстройства; самовоспитание воли позволяет контролировать биение сердца (йога). Такое психокультурное явление, как вера, способно вызвать смерть или выздоровление; таким же образом табу, колдовство, проклятие могут умертвить, чудо – вылечить, а плацебо эффективны для одной трети больных.

Можно ли предложить какое-либо иное концептуальное видение отмеченных фактов, кроме материалистического? Некоторые современные авторы считают, что можно. Один из них – крупный французский ученый и фило-

соф, президент Парижской Ассоциации по исследованию мозга Э. Морэн. Пытаясь найти философские основания выдвинутой им гипотезы «единодвойственности» духа (сознания) и мозга, Морэн отказывается и от материализма, и от идеализма. Он считает, что каждая из этих концепций является гегемонистской и редукционистской: так, «материализм сводит все, что касается духовного, к простому выделению материи, а спиритуализм все материальное сводит к субпродукту духа» (8, с.64). Морэн отказывается также от «неодуализма», признающего сосуществование и взаимодополнительность двух реальностей – материальной (мозг, организм) и трансматериальной (информация, символика, ценности). Он считает, что понять и объяснить двойное подчинение дух/мозг и относительную автономию того и другого можно лишь посредством «неомонизма, ни материального, ни спиритуального, основывающегося на их «идентичности» и соотносительности» (8, с.68).

Однако, пытаясь определить идентичность человеческого духа и мозга, автор уже в самой формулировке проблемы оказывается на дуалистических позициях, которые он сам критиковал выше, поскольку заранее предполагает абсолютную противоположность материи и духа. «Как преодолеть, - спрашивает он, - столетиями непреодолимую трудность соотношения между материей, телом и мозгом, с одной стороны, и духом и душой – с другой, т. е. разъединение между субстанциальностью бытия и нематериальностью познания?» (8, с.71). По мнению Морэна, различия можно снять на нескольких уровнях. Первый уровень основан на учете достижений современной физики, согласно которой, как считает автор, информация полностью нематериальна в том смысле, что она не сводится к массе или энергии. То же можно сказать об организации материальных систем. Если сама физическая реальность содержит такие нематериальные реальности, как информация и организация, получается, что мозг и дух обладают совместно чем-то, что является нематериальным. Следовательно, их несовместимость снимается. (Как видно, снятие противоречий между духом и мозгом осуществляется здесь автором с позиций идеализма).

Говоря о втором уровне снятия – биологическом – Морэн вновь вступает в противоречие с самим собой. Но теперь он отдает дань материализму, рассматривая познание, мышление как деятельность материального субстрата – мозга, составляющих его нейронов, утверждая тем самым онтологическое единство материи и духа. «Любой организующий биологический акт содержит в себе когнитивное измерение», - пишет автор (8, с.72). При этом он ссылается на известную формулу Пиаже, согласно которой, при определенной глубине рассмотрения витальная и ментальная организации составляют одно и то же. Морэн рисует картину взаимодействия мозга и духа, вполне согласующуюся с материалистическим мировоззрением: высшее проявление эволюции мозга – дух – постоянно генерируется и регенерируется мозговой деятельностью, которая сама генерируется и регенерируется деятельностью любого существа и в которой дух играет свою основную, активную и организаторскую роль для осуществления познания и деятельности.

Однако колебание между материализмом и идеализмом приводит Э. Морэна, в конечном счете, к дуалистическим выводам. Автор считает, что полное концептуальное объединение понятий духа и мозга возможно лишь ценой потери сложности, реальности и истинности. По его мнению, в самом полном и самом сложном описании мозга должен оставаться духовный субстрат, как должен остаться церебральный субстрат в самом сложном и самом полном описании духа. Оба подхода – и нейро-церебральный подход и подход «пси» – могут и должны встречаться и сообщаться, но они никогда не смогут полностью объединиться или раствориться один в другом. Двойственность мозга и духа сохраняется (8, с.76).

В действительности оба подхода могут и должны быть объединены на основе философского материализма. Общая идентичность духа и мозга состоит в материальности того и другого (в онтологическом аспекте). Признание этого вовсе не означает признания их абсолютного тождества, редуцируемости первого ко второму. Существенное различие между ними сохраняется и состоит в том, что мозг является физиологическим субстратом духа (созна-

ния), а дух является психическим компонентом мозга (и материи в целом). При этом признается относительная автономия духа и его активное влияние (которое само возможно только в том случае, если дух материален) на процессы, происходящие в живой и неживой природе и на жизнедеятельность человека. Говоря словами самого Морэна, «дух – это не мыслящая субстанция, а мыслительная деятельность, производящая... «духовную» сферу» (8, с.79). Именно в этом состоит принципиальное различие между материей и духом. Если же мы будем, вслед за автором, усматривать различие между ними в том, что они выступают как два разных субстрата – материальный и нематериальный, – мы придем к идее субстанциальности духа наряду с материей и, следовательно, к дуализму.

На наш взгляд, как онтологическая парадигма дуализм несостоятелен. Он нарушает главный принцип онтологии – принцип единства мира. По существу, онтология как таковая может быть только материалистической, так как только материализм последовательно монистичен, что находит свое выражение, прежде всего, в идее единства материи и духа как субстанции и «атрибута». Все остальные онтологические парадигмы – плюрализма, дуализма, идеализма – не могут быть до конца последовательными в этом вопросе, следовательно, они не в полной мере соответствуют статусу онтологии как философской науки. Отрицая единство и единственность материального мира, эти парадигмы сближаются друг с другом. Так, дуализм, по справедливому замечанию выдающегося биолога и естественнонаучного материалиста Э. Геккеля, «обыкновенно соединяется с теологическими и идеалистическими догмами». В то же время идеализм, который принято называть монистическим учением, в действительности представляет собой «двойственное мирозерцание»: он удваивает мир и ищет объяснение, обоснование существования материального мира и его особенностей не в нем самом, а в некоем другом мире – духовной вселенной, в каком бы облике она ни представала (9, с.79).

Плюрализм в современной философии является в меньшей степени

распространенным явлением, чем дуализм. Плюрализмом обычно называют философскую концепцию, согласно которой существует несколько или множество независимых друг от друга субстанциальных начал, или видов бытия. Часто в защиту дуализма и плюрализма приводят тот аргумент, что они, якобы, согласуются с положениями современного научного знания. Однако это вызывает серьезные сомнения. Идея единства мира, лежащая в начале развития философии, до сих пор остается фундаментом науки, причем она получает все более глубокое обоснование. Об этом свидетельствуют принципы системности, коэволюции, самоорганизации и ряд других, сформулированные постнеклассической наукой, такими ее направлениями, как системология, теория глобальной эволюции, синергетика и другие. Наука стремится к созданию единых и сверхъединных теорий, способных представить мир как целостную систему. Речь идет уже не только о единстве живой и неживой природы или природы и человека, но и о связи сознания, оперирующего смыслами, с физической материей, об их единой природе. Так, В.В. Налимов предлагает отказаться от картезианского принципа противопоставления пространственно непротяженного ума пространственно протяженной материи и объединить в сверхъединной теории поля семантическое и физическое начала Мироздания (7).

Кроме того, любая форма научного знания в определенном аспекте отражает то или иное понимание детерминизма. Детерминизм, будучи связан с принципами единства и развития, в материалистической философии выступает как монистический детерминизм. Он требует рассмотрения обусловленности и определенности любых типов и видов бытия в неразрывной связи с принципами единства и развития, которые позволяют установить зависимость как отдельной вещи, свойства, процесса и т. п., так и любых материальных систем в их существовании и изменении от любых факторов. Плюрализм же, абсолютизирующий момент изолированности в структуре отношений между вещами, является основанием индетерминизма, по самой своей природе чуждого научному знанию.

Что касается идеализма, то он долгое время был самостоятельной и достаточно сильной философской концепцией, небезуспешно противостоявшей материализму, который в силу своего механицизма часто ему проигрывал. Современный материализм выдвинул ряд новых идей, сыгравших важную роль в его развитии и переходе на новый качественный уровень. Это, например, признание способности материи к самоорганизации и творчеству, значения случайности или – шире – спонтанности в развитии, роли наблюдателя в процессе понимания Мироздания, единства рационального и иррационального в познании и многое другое. Тем не менее, и сегодня некоторые отечественные философы при разработке новых онтологических концепций отдают предпочтение не материализму и диалектике, а иррационализму и идеализму, иногда в сочетании с непоследовательным материализмом (деизмом) или с религиозно-мистическим мировоззрением.

Тому, что идеализм имеет и сегодня довольно широкое распространение, надо искать объяснение не в логике и фактах, а, главным образом, в сфере идеологии. Философия на протяжении всей своей истории находилась под огромным давлением религиозной идеологии. Это давление стало слабее в эпоху Возрождения и Нового времени, но уже в XIX веке оно снова усилилось и до сих пор сохраняется. В России после 70-летнего господства атеистического мировоззрения позиции религии значительно упрочились вследствие соответствующей государственной политики. Это не могло не сказаться на умонастроениях среди философов. Достаточно определенная идеалистическая тенденция проявилась, например, в новом учебнике философии А.Г. Спиркина, в котором автор заявляет о существовании потустороннего мира и божественного творца (10, 733-742). В результате в эту интересную и содержательную книгу вошло глубокое противоречие, которое поставит в тупик любого способного к логическому мышлению читателя.

Примечания:

1. См., напр.: Сагатовский В.Н. Философия как теория всеобщего и ее роль в медицинском познании. Томск, 1968.
2. Акулов В.Л. Диалектический материализм как система. Минск, 1986.
3. См., напр.: Чебанов В.К. Введение в духовный материализм. Ставрополь, 1995; Иванов Е.М. Физическое и субъективное: поиски аналогии. Саратов, 1997 и др.
4. См., напр.: Дубров А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М., 1990).
5. См.: Павлов Т. Избранные философские произведения: В 4 т. М., 1962. Т. 3.
6. См.: Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
7. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М., 1993.
8. Морэн Э. Дух и мозг // Современная наука: познание человека. М., 1988.
9. Геккель Э. Мировые загадки. М., 1935.
10. См.: Спиркин А.Г. Философия: Учебное пособие. М., 1999.

Вопросы и задания:

1. Что означает признание материальности сознания в современной онтологии?
2. Какая категория, на Ваш взгляд, является предпочтительной при характеристике информационной составляющей материальных процессов: «духовность» или «отражение»? Аргументируйте свой ответ.
3. Считаете ли Вы основательными аргументы Э. Морэна в пользу предложенной им концепции «неомонизма»?
4. Можно ли признать последовательными и непротиворечивыми онтологические концепции дуализма, идеализма и плюрализма с точки зрения философии и научного знания?

Заключение

Подведем некоторые итоги. Как мы пытались показать, онтология, как философская наука о всеедином и всеобщем в бытии, является основополагающей частью философии. Ее главный принцип – принцип единства мира – находит свое выражение, прежде всего, в идее единой основы мира, субстанции. Понятие субстанции в материалистической онтологии есть обобщение, возникающее на основе представления о вещах, существующих в мире. Мы отвлекаемся от всех различий между вещами и создаем абстракцию вещи вообще, всеобщей вещи, мира в целом как вещи. Знание об этой вещи как системе, о ее структуре и свойствах относится к области частных наук. Но мы не можем мыслить о мире как о всеобщей вещи, не опираясь на это знание. Постольку частнонаучное знание переходит в философское. Таким образом, термин «субстанция» в материалистической онтологии означает, прежде всего, то, что мир есть в своей основе вещь и что эта вещь обладает соответствующими свойствами, атрибутами.

Анализ категории материи как субстанции приводит нас к признанию важности проблемы соотношения материального и духовного принципов бытия для философского знания. Дело в том, что по своему содержанию проблема основы (субстанции) выступает как вопрос о том, что именно является этой основой – дух или материя. Это наиболее глубокое, наиболее острое противоречие бытия, разрешение которого составляет наивысшую трудность для онтологии. В силу этого оно оказывается центром философских размышлений и споров. Материалистическая онтология не только не отрицает основной вопрос философии, но дает его наиболее глубокое и обоснованное решение, строго отделяющее материализм от идеализма. Она утверждает единство материи и духа, рассматривая материю как субстанцию, а дух – как ее «внутреннюю», субъективную сторону. Таким образом, онтология в основном и главном есть учение о соотношении материи и сознания, теория, занимающаяся решением основного вопроса философии. В онтологии ОВФ ставится и решается иначе, чем в гносеологии. В отличие от по-

следней, в онтологии главное значение имеет вопрос о единстве материи и сознания, о бытийной связи между ними, а не об их оппозиции, хотя бы и относительной. Это необходимо учитывать. Источником ошибок нашей философии был и еще остается гносеологизм, который, в частности, проявляется в подмене онтологической трактовки ОВФ гносеологической (что первично, что вторично?). Это ведет к деформации философского материализма, к его вырождению в дуализм.

Конечно, важность онтологического решения ОВФ ни в коей мере не умаляет значения его гносеологического решения, играющего важную роль в споре материализма с субъективным идеализмом. Однако следует признать, что в настоящее время онтология имеет приоритет перед гносеологией. Именно онтология, причем онтология материалистическая, рациональная по своему характеру должна быть и, действительно, в общем и целом, является философской парадигмой современного миропонимания. Признание роли онтологии и освобождение отечественной философии от присущего ей гносеологизма позволит материализму стать более совершенным, даст возможность более последовательно проводить принцип монизма в философских исследованиях, в частности, в разработке философского понимания человека, его общественной жизни и взаимодействия с природой.

Печатается в редакции автора

Подписано в печать 11.04. 2007. Формат 60x84 1/16. Бумага писчая.

Усл.печ.л. 3,83. Уч.-изд. л. 4,39. Тираж 100 экз. Заказ

ГОУВПО Ивановский государственный химико-технологический
университет

Отпечатано на полиграфическом оборудовании кафедры экономики и
финансов ГОУВПО «ИГХТУ»

153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса,7